

АШИРА ХААН

Десятый сосед

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ашира Хаан

Десятый сосед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69957940

SelfPub; 2023

Аннотация

Мама всегда говорила, что за всю жизнь у приличной девушки должно быть не больше десяти мужчин. Цифра казалась мне даже завышенной: я собиралась найти своего единственного гораздо быстрее. Мама много еще чего говорила. И про то, что женщина не должна курить на ходу или за столом. И про то, что должна пить только благородные напитки: сухое красное вино или коньяк. И что-то еще про длину юбок и цвет помады. Возможно, именно с тех пор я люблю пиво, длинные юбки с разрезом до пояса и красить губы в истошно-розовый. Но вот правило про десять мужчин впечаталось намертво.

Содержание

Пролог	5
Еще не последняя попытка	16
От первого до девятого	26
День, когда все изменилось	31
Ветер из другого мира	42
Нет места лучше родного дома	51
Соседские скандалы	58
Домашняя кухня	68
Воровка почты	73
На работе	79
Лучшая подруга – вторая мать	84
Недобрый лес и прочие неприятности	95
Случайности не случайны	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ашира Хаан

Десятый сосед

Пролог

Мама всегда говорила, что за всю жизнь у приличной девушки должно быть не больше десяти мужчин.

Цифра казалась мне даже завышенной: я собиралась найти своего единственного гораздо быстрее.

Мама много еще чего говорила. И про то, что женщина не должна курить на ходу или за столом. И про то, что должна пить только благородные напитки: сухое красное вино или коньяк. И что-то еще про длину юбок и цвет помады.

Возможно, именно с тех пор я люблю пиво, длинные юбки с разрезом до пояса и красить губы в истошно-розовый.

Но вот правило про десять мужчин впечаталось намертво.

Тот вечер я помню странно: секунду за секундой его первую половину и короткими яркими всполохами – вторую.

– Это вопрос самоуважения! Ты понимаешь? – для убедительности мама размахивала стеклянным шаром, в котором под искусственной метелью из блестящих снежинок крутилась принцесса в розовом платье.

Я больше следила за шаром, чем слушала ее слова. Мне казалось, он вот-вот выскользнет из руки и разобьется на тысячу сверкающих осколков.

Скандал длился уже второй час. Мне было восемнадцать – отличный возраст для свиданий с парнями из инженерного института, которые позвали нас с Верой погулять.

Я считала, что самое время начинать взрослую жизнь.

Мама считала, что только через ее труп.

В принципе, я уже была готова и на труп.

Это же лучшие годы! Самое время гулять! Предвкушение свободы бурлит в крови, лопаются пузырьками шампанского в голове и колет кончики пальцев.

Я была похожа на принцессу в стеклянном шаре – и как же мне наконец хотелось вырваться за его пределы!

– Принесешь в подоле – можешь домой не являться! С таким-то стартом закончишь на панели! У меня твой отец был первым! Я-то знаю, какова современная молодежь, но чтобы собственная дочь...

Я не ожидала, что из моей нежной и мягкой мамы полезут такие хтонические чудовища. Словно кто-то чужой и злой написал ей все самые ужасные слова, поселил внутри черный мрак, ползущий из ее рта, и жутким болотным монстром

хватаящий меня за руки и за ноги.

— Мама, мы же просто с Верой... Мы только погулять... — лепетала я, но в кухне становилось все темнее, словно огромная черная тень нависала надо мной, вырвавшись из маленькой хрупкой моей мамы, все еще пытающейся загипнотизировать меня этим сверкающим шаром в руке.

— Мне уже восемнадцать! Я взрослый человек! — не выдержала я.

— Ну и катись, шлюха! — взвизгнула мама, и сверкающий снежный шар раскололся о стену рядом с моей головой, выпуская принцессу в розовом платье на волю.

Темная тень в одну секунду обрушилась на нас всей своей массой, запачкав мазутной чернотой.

Все стало очень медленным и отчетливым: снежинки разлетелись по всей кухне, попав в чай, в гречку с сосисками, в лужицу кетчупа на столе, в кастрюлю с супом, в миску с собачьим кормом, но больше всего осело на моих волосах.

Принцесса в розовом упала на линолеум в брызгах зеркального льда и наш старый сенбернар Ричи тут же перемол ее челюстями.

Дверь квартиры хлопнула за моей спиной, и я глубоко вдохнула прозрачный октябрьский воздух. Ерунда. Когда я вернусь, мама уже придет в себя.

Сначала я забежала за Верой. Ее дом был прямо за зданием ЗАГСа, и последние несколько месяцев всякий раз, как мы шли мимо, она печально вздыхала: «Представляешь, как у голодного перед носом котлету повесить!»

И никакие уверения, что замуж мы всегда успеем, на нее не действовали. Субботним утром ее будили гудки свадебных кортежей, а по понедельникам дворники неизбежно и печально подметали горы конфетти и розовых лепестков. Вера вся жила в ожидании того, кто наконец-то отведет ее в белой фате и пышном платье в это казенное серое здание, а потом увезет в лимузине с лентами в какой-нибудь другой дом, где по утрам выходных можно будет наконец выспаться.

Обычно я проскакивала мимо толп гостей, не задерживаясь, но сегодня почему-то остановилась – и увидела выходящую из дверей загса счастливую невесту в розовом свадебном платье. Ровно того оттенка, что у погибшей в зубах у Ричи принцессы из стеклянного шара. Мне вдруг показалось, что она как-то сумела избежать страшной участи, выпрыгнула и обернулась реальной и очень красивой девушкой с выющимися светлыми волосами и самой счастливой улыбкой на свете.

Будто на моих глазах произошло настоящее чудо.

Но потом я перевела взгляд на вышедшего следом жени-

ха – и моментально забыла про свою принцессу. Он не был как-то особенно высок, строен и красив, да я и не могла толком разглядеть его за спинами людей. Но мы встретились взглядами, и я вдруг ощутила, что в животе у меня возникло странное чувство – похожее на невесомость. У меня захватило дух, как на качелях – страшно, сладко и невыносимо.

«Хочу за него замуж», – подумала я.

Нет, не так.

«Я выйду за него замуж», – вот так я подумала.

С твердой уверенностью, что это случится.

Но гости закричали: «Горько!», кто-то заслонил его от меня, оборвав контакт взглядов. Я вздрогнула, очнулась и быстро побежала дальше к Вериному дому.

Какая романтическая ерунда только в голову не придет.

Неужели я заразилась от нее этой свадебной ветрянкой?

Через пять минут я уже совершенно забыла об произошедшем.

Парней было трое. Двое вполне симпатичных старшекурсников и один очень высокий и прыщавый, на вид старше них. Мы как-то забыли договориться с Верой, как будем делить кавалеров, и теперь переглядывались, пытаюсь как-то разобраться без слов. Третьего – точно Юльке! Правда, я не понимала, кто мне больше нравится из оставшихся.

Но вообще я не хотела пока никого выбирать, хотела про-

сто посмеяться и погулять. Почувствовать, как нравлюсь – и не только одному, всем!

Но они между собой явно о чем-то таком договаривались – пока мы стояли у юлькиного дома и ждали, пока она выйдет, этот, прыщавый, все время оттеснял меня от Веры и остальных, предлагал сходить вдвоем то за мороженым, то за сигаретами. Я не хотела никуда уходить, мы ведь хотели гулять все вместе, но он был очень настойчив.

Вера не замечала моих панических взглядов. Ей досталось двойное мужское внимание, и она таяла под градом комплиментов. Мне даже казалось, она уже не очень-то хотела, чтобы Юлька вышла. Да и я, если честно, ей чуть-чуть завидовала – оба доставшихся ей парня были гораздо симпатичнее моего.

– Пойдем в лес, что ли? – наконец сказал один из них, когда все сроки уже прошли и стало понятно, что мы так и останемся впятером. Юлькин телефон не отвечал.

– Может быть, по бульвару? – предложила я. Вечерами там как раз гуляли такие компании, и я часто представляла себя в одной из них – громко смеющейся, в новой белой джинсовой юбке и с сигаретой.

– Да ну, – сплюнул прыщавый. – Там бабки опять разорутся. В лесу можно костер развести, выпить нормально, удобнее там, опять же.

– Выпить?

Не то чтобы я не пробовала алкоголь, но бокал шампанского на новый год и день рожденья или банка пива на двоих с Верой, попирая все заветы мамы – это совсем не то, что несколько бутылок вина, звякнувших в рюкзаке у одного из наших новых друзей. Но смешно отказываться, не водка же.

Вино оказалось красным сухим, и я, конечно, рассказала, что, по мнению моей мамы, положено пить приличным девочкам и где курят приличные женщины. Пластиковый стаканчик в моей руке мялся и протекал, роняя густо-красные винные капли на джинсы и свитер, я пыталась их стирать пальцами, случайно комкала стаканчик еще сильнее, и все начиналось с начала.

Прыщавый предложил отойти покурить, раз приличная девушка не должна этого делать за столом. Это показалось мне логичным, и я пошла за ним – но закурить он мне не дал, сразу, едва полянку заслонили деревья, облапав и засунув язык мне в рот. Это совсем не походило на мой первый и пока единственный поцелуй в прошлом году. Это было как-то... слишком. Нагло, мокро и практически насильно.

А уж когда он без перехода принялся расстегивать мои джинсы, почему-то приговаривая «Тихо, тихо, тихо!», я со-

всем растерялась и вместо того, чтобы убежать или позвать Веру, начала рассказывать ему, что ребята обидятся, что мы ушли так надолго, что надо вернуться к ним. Но он только хохотнул и сообщил, что ребятам там и без нас весело, и его рука совсем внаглую забралась мне в трусы.

Страх взвился ледяным вихрем из позвоночника, раскрылся тайфуном в голове, так и не подарив мне протрезвления, зато подарив какую-то отчаянную смелость. Я рванулась из рук прыщавого, но не на свободу, а к полянке, где Вера была уже без куртки и свитера – и один из парней присосался к ее губам, а второй возился с молнией на своих джинсах.

По ее мутным глазам было понятно, что выпила она гораздо больше меня. Я потянула ее за локоть, уворачиваясь от чужих рук, но она только отмахнулась, рассмеялась, сказала, что ей и здесь хорошо. Минуты две я потратила на то, чтобы попытаться ее все-таки поднять, но парни, тоже пьяные вдрызг, наконец-то сообразили, кто им все время мешает и переключились на меня, и из леса появился прыщавый – почему-то с расстегнутой ширинкой.

Я звала и звала Веру, но она так и не реагировала, а ко мне шло уже двое, и один из них был не так уж сильно пьян, и бегал наверняка быстрее меня.

Точно быстрее.

Прыщавый мгновенно догнал меня и повалил на свежесопавшие листья, едва прикрывшие осеннюю хлябь. Он сразу раздвинул мне ноги, и холодный страх взметнулся до темного ужаса.

Только он придал мне сил – я отмахнулась пяткой, не глядя, куда бью, сгребла черную густую грязь и, извернувшись, бросила ее в прыщавого. Он отпустил меня на несколько мгновений, которых хватило, чтобы рвануть оттуда с удвоенной скоростью.

Я остановилась, только когда уже выбежала за пределы леса – прохожие провожали вымазанную в глине девушку странными взглядами. Забилась за гаражи и просто орала, заткнув себе рот грязным, пропахшим вином свитером. Попыталась отчистить корку глины с джинсов, но становилось только хуже, пока я не поняла, что руки у меня тоже в грязи, и лицо тоже, и вся я грязная.

Я все терла руки друг о друга, надеясь, что это поможет, но ничего не получалось, и тогда я заплакала, и из моих волос вдруг выпалась горсть искусственных снежинок, осыпавших меня, когда шар разбился. Здесь и сейчас они смотрелись чудовищно неуместно, но почему-то именно это помогло мне собраться, встать и дойти до киоска, чтобы купить бутылку воды и вымыть хотя бы лицо.

Я бродила по улицам до самой темноты, смотрела, как люди едут с работы домой, загружаясь в освещенные теплым светом автобусы, как их становится все меньше и меньше, и вот уже автобусы идут полупустые, а в стороне от фонарей собираются в группки темные фигуры.

Следующее, что я помнила ясно – как стою у подъезда и не могу подняться на свой этаж.

Дома была мама, разбившийся шар, черное болото и ее правота.

Мама была права.

Мама была права. Мама была...

Холодные двери лифта, к которым я прислонялась лбом, шершавая обивка двери под пальцами. Бесшумный поворот ключа, темнота в коридоре и слишком яркий свет в ванной.

Неприятное прикосновение теплой воды, утекающая в слив темная грязь, тяжелое дыхание.

Вышла оттуда и вздрогнула: мама молча сидела за кухонным столом. Я ее не заметила сразу или она пришла позже? Ждала меня? Мы должны поговорить?

– А где папа? – осипшим голосом спросила я.

Она молча пожала плечами.

Вера не пришла на следующий день в колледж.

И на следующий тоже.

И через месяц.

Никто ничего не говорил, но все тайком шептались.

В конце мая, между экзаменами, я заскочила вечером в колледж, чтобы договориться о дополнительной консультации и увидела ее рядом с кабинетом директора. Очень бледную и с огромным животом.

Остановилась, не зная, что делать – подойти? Или притвориться, что не заметила?

Но Вера посмотрела на меня и покачала головой.

Больше я ее не видела.

Еще не последняя попытка

Я сняла наушники перед самым домом, чтобы музыка не мешала, когда буду заходить в подъезд, – и меня накрыл задушевный звук сирены Скорой. Он быстро приближался, зажигая тревогу в сердце. Я сунула руку в карман, скрестила пальцы и прошептала: «Чур, не моя беда!»

Скорая пронеслась за деревьями по шоссе, на несколько секунд оглушив своим воем.

Но мимо.

Хотя за кого мне бояться?

Мама живет на другом конце города, этот вой не про нее.

Заранее достала из кармана ключи, чтобы не возиться у двери, но когда завернула за угол, увидела, что подъездная дверь подперта массивным камнем, под козырьком стоят картонные коробки, а рядом грузчики запихивают в машину компьютерное кресло.

Кто-то переезжает? Интересно, кто?

Лифт, разумеется, валандался где-то по верхним этажам, перевоза скарб выезжающих, и я тяжело вздохнула, готовясь к долгому ожиданию.

Устала как собака. На работе бардак: одни отделы расши-

ряются, другие сокращаются, меняются местами и кабинетами, перетаскивают мониторы и кресла с одного этажа на другой. Я в центре этого кошмара – и как офис-менеджер, конечно, отвечаю за то, что у одних пропали папки с документами, а у других уволокли принтер.

Когда принтер находится, драки за него разнимаю тоже я.

И валерьянку потерявшим документы наливаю я.

И в архив за копиями документов спускаюсь снова я.

Все это на каблуках...

Прямо сейчас я мечтала сделать две самые прекрасные вещи в жизни женщины – снять туфли и расстегнуть бюстгальтер. Немедленно!

С трудом остановила собственную руку, потянувшуюся к спине.

Двери лифта разошлись и на меня надвинулся лакированный бок старого комода.

Я его даже узнала – и, подтверждая мою догадку, из-под него вынырнула Маринка, соседка сверху. Грузчики, очевидно, в лифт не поместились – странно, что туда комод помещился! – и топали пешком. А Маринка, извернувшись, зажала кнопку открытия дверей, чтобы комод не уехал в одиночестве кататься по этажам.

– О, привет! – обрадовалась она, заметив меня. – Давно ждешь?

– Так ты переезжаешь? – уточнила я. На всякий чудесный случай.

Я привыкла, что мы с Маринкой иногда болтаем, пьем чай или что покрепче, а она не включает громко музыку. Неизвестно, кто там еще поселится, может, семейство с мелкими детьми, которые будут играть в футбол над моей головой и ронять пудовые гири.

– Да! – Маринка прямо сияла. – Я тебе не говорила разве?

– Нет, – я покачала головой. Последний раз мы долго разговаривали еще весной. Ей тогда кто-то в очередной раз разбил сердце, и чай плавно перешел в martini с соком, а потом в водку без сока.

– Евка! Ну ты что! Я замуж выхожу! – заверещала она, тем самым характерным жестом демонстрируя мне колечко на безымянном пальце. Так себе колечко, камешек крошечный, отметила я слегка заторможенно. Вот оно как... Замуж, значит. Так быстро?

– Когда успела-то? – только и спросила.

– В мае встретились! Он потрясающий! Самый лучший, самый умный, никогда и не думала, что такие бывают! Замуж позвал на втором свидании!

Я нахмурилась, и она сразу зачастила:

– Помню, что ты мне говорила. Присмотреться, проверить! Я держалась, как могла. Присматривалась!

– Аж четыре месяца, – вздохнула я.

– Ну да. Сколько еще ждать? Все ясно. Ты рада за меня, рада, рада? – пищала она.

Я обняла Маринку, но в сердце кольнула легкая зависть. Четыре месяца – и уже замуж...

– А хозяйка уже нашла новых жильцов? – спросила я, вспомнив о потенциально топчущих детях над головой.

– Да, какой-то мужик поселился. Сегодня вечером и въедет.

– А зря мужику сдали, – вздохнула я. – Говорят, если девушка съехала из квартиры замуж, на сайтах аренды за такую драки.

– Серьезно? – Маринка распахнула глаза. – Я хозяйке скажу, может, она передумает.

– Вдруг на мужика тоже сработает, тоже быстро женится, – бледно улыбнулась я. – Ладно, Марин, я пойду. Устала очень.

Грузчики как раз спустились и начали сноровисто выковыривать комод из узких дверей лифта.

– Уиии! – Маринка еще раз обняла меня. – На свадьбу приедешь?

– Пригласишь – приеду, – кивнула я и ступила в лифт, пока его снова не заняли.

В лифте я вела пальцем по кнопкам в такт меняющимся

цифрам на табло, и, когда оно переключилось на «10», сама себе кивнула. Но не отнимала палец от панели, пока двери не разошлись. Однажды поспешила, убрала на мгновение раньше, а тут взял и погас свет. Так и торчала полтора часа в темноте с тонкой полоской света между дверями.

Олег был дома – как всегда. Сидел за компом в наушниках и стук двери не услышал. Я сходила помыла руки, прошла на кухню – на плите стояла сковородка с жареной картошкой. Заглянула в холодильник – больше ничего не было, даже вчерашней рыбы. Придется есть картошку, хотя он сам же потом и намекает, что бока мои стали слишком плотненькие, надо бы похудеть.

Я уже мыла посуду после еды, когда Олег наконец появился на кухне.

– Ага-а-а-а! – закричал он и набросился на меня с щекоткой и громкими чмоками в шею одновременно. Я взвизгнула, подпрыгнула и залила мыльной водой джинсы и блузку.

– Ну, Олег! – я стряхнула капли в раковину. – Просила же так не делать! У меня сердце часа два колотится после таких шуточек. И джинсы теперь в стирку.

– Надо переодеваться, когда домой приходишь, – назидательно сказал он. – Заодно меня бы поцеловала. А то прокралась тайком, как воришка за моей картошкой.

– Мог бы снимать наушники, когда знаешь, что я приду.

– Ну, не нуди, – поморщился Олег и обнял меня со спины, противно прижав мокрую одежду к телу. Я попыталась отстраниться, но он вжался еще сильнее и запустил руку под блузку. – Люблю, когда ты сразу лифчик снимаешь...

– Оле-е-е-ег... – проныла я, но он уже протянул руку и завернул кран.

– Потом домоешь. Я тебя хочу, – он развернул меня и накрыл губами губы.

– Олег, я только пришла, устала ужасно, – попыталась выскользнуть из его рук, но он уже оставлял короткие горячие дорожки из поцелуев на шее. – Олег! Мы же договаривались!

– Ну да, я знаю, – вздохнул он и наконец отстранился. – Я должен ждать, пока ты сама захочешь. Но я вчера ждал, ждал и не дождался!

Я еле поймала себя за язык. Если сказать, что «значит, не захотела», он обидится на весь вечер, будет потом ходить надутый и рано пойдет спать.

– Дай, я схожу переоденусь, ладно? – примирительно сказала я.

С Олегом мы жили вместе уже два года. Похоже было, что он и есть самый подходящий для меня человек. Хорошо зарабатывает, любит меня, и хочет – иногда даже чаще, чем я его. Но подруги мои жалуются на то, что их сорокалетние мужья в постели уже давно не айс, так что я с такими про-

блемами смотрюсь странновато.

Про женитьбу мы никогда не говорили, но в наше время это не так важно. Главное – мы вместе и любим друг друга. О чем тут думать вообще?

Неужели я хотела бы как Маринка – замуж за того, кого едва знаю? Нет, Олег отличный. Умный, заботливый, и я к нему уже привыкла.

Я переоделась в домашнее и пошла посмотреть, как там Олег.

Он сидел мрачный, со сжатыми губами и играл в тетрис. Медитативно щелкал клавишами, регулярно ронял фигурки не в тему и сжимал губы еще сильнее.

Я напряглась. В тетрис он играет, когда «собирается с мыслями» перед долгим разговором с вытаскиванием всех наших проблем, выполаскиванием и вывешиванием их на веревочку. Это развлечение часа на четыре – в результате я не высыпаюсь, с утра мигрень, рабочий день к черту.

Ему хорошо – он дома работает, отоспался днем и готов ко второму раунду. А мне лучше загладить свою вину сейчас.

Подошла, положила ладони ему на плечи, нагнулась и поцеловала, но он не отозвался, только дернул щекой.

Я вздохнула, обошла стул с другой стороны, плюхнулась ему на колени, взяла его руку и положила себе на грудь. Это сработало – он тут же ее стиснул и на следующий поцелуй уже ответил: прижал к себе, раздвинул языком губы... Но

потом подозрительно посмотрел на меня:

– Ты же не хотела?

– А теперь хочу, – вздохнула я.

– Точно хочешь? – прищурился он.

Я потянулась к его ширинке, чтобы доказать. Но ему хватило и этого жеста.

От стола до кровати – два метра и один долгий глубокий поцелуй. И еще один – наполненный обещаниями, планами и желанием – уже на кровати.

Олег потянулся к изголовью, где лежали презервативы.

– Давай ты сверху? – предложил он.

– Я устала...

Но он закатил глаза, и я быстро кивнула:

– Давай!

Немного поморщилась, насаживаясь на него – внутри было еще сухо. Уперлась коленями в матрас и начала аккуратно двигаться, пытаясь поймать ритм, от которого не слишком уставала бы.

Олег накрыл ладонями мою грудь, двумя пальцами выкрутил сосок – я вскрикнула от боли.

– Слишком сильно? – озабоченно спросил он. – Прости, все время забываю, что ты такая чувствительная...

В какой-то момент мне показалось, что я поймала то самое ощущение, когда тепло начинает растекаться внутри жи-

вота, напряжение расти. Я закусила губу, сосредоточившись на этом чувстве, но тут Олег дернул меня за бедра, заставив прижаться к его груди.

– Давай так, мне так больше нравится.

Темп стал побыстрее, большую часть работы делал он, но ощущение ко мне так и не вернулось. Я двигалась скорее механически, стараясь ускориться, чтобы ему было приятнее, но после целого дня на каблуках, мышцы на ногах ужасно ныли, и я все время сбивалась.

Олег раздраженно рыкнул, перевернул меня на спину и быстро закончил, вбиваясь в меня со скоростью отбойного молотка. Мне казалось, в такие моменты он вообще забывает о моем существовании, как это ни смешно звучит. Уходит в какой-то свой мир, где есть выдуманная Ева, с которой он и сливается в экстазе.

Но потом жарко целует, говорит, что со мной на седьмом небе, я богиня, ему никогда ни с кем так хорошо не было – и я думаю, что опять насочиняла себе ерунду. Просто никак не могу поверить, что он нормальный, не мудака, как большинство моих бывших.

Вот и сейчас он обнял меня, положил пальцы на лобок и заботливо спросил:

– Помочь тебе?

– Нет, что-то сегодня не хочется, но ты продолжай спрашивать! – улыбнулась я.

Я уткнулась в теплое плечо, обняла Олега, положив ладонь на его упругий живот. Все равно он лучше остальных, даже внешне. После тридцати найти мужчину без пузика можно уже только среди нарциссов в фитнес-клубах, но у них уже давно не стоит от стероидов.

Мне есть, с чем сравнивать.

Олег – мой девятый.

Не осталось у меня лишних попыток.

От первого до девятого

Девять мужчин и почти тридцать лет.

Похоже на отчаянную ситуацию.

Если девушка не вышла замуж до тридцати, с ней явно что-то не так. А я умудрилась прохлопать все шансы ускоренными темпами. И теперь у меня Олег, который не планирует жениться и один последний шанс.

Я никогда никому не рассказывала о том, что произошло в октябре в лесу. Мне казалось, что если притвориться, будто ничего не было – это поможет. Не вспоминать, не думать, не растравлять свои болячки.

Я нормальна. Я как все.

Даже на психфак я пошла в основном для того, чтобы получше притворяться нормальной. Нет у меня никаких травм!

Со мной все в порядке, я похожа на всех других девушек моего возраста – даже тесты это показывают.

А у каждой нормальной девушки должны быть отношения.

Вообще-то я долго не могла открыть счет.

У меня было множество оправданий: сначала надо закон-

читать колледж, потом поступить в институт, потом не завалять первую сессию, перейти на второй курс, сдать на отлично профильные предметы. Ну не было у меня времени на свидания!

Все мои друзья и подруги потихоньку расставались с девственностью: кто на узкой койке общаги, кто романтично на постели из роз в отеле, кто на вечеринке, второпях, пока остальные страждущие колотят в дверь ванной, а кто и в том самом лесу. Некоторые умудрились сделать это как минимум дважды. Один раз – соврав для поддержания разговора, другой – на самом деле.

Невинными девами оставались только крайне религиозные, крайне страшные – и Ева.

Весь факультет считал, что я жду принца на белом коне. Колонны на входе в учебный корпус, про которые ходила байка, что они обрушатся, если между ними пройдет девственница, угрожающе поскрипывали и тоже намекали, что я позорю репутацию института.

Пора было принимать меры.

Из всех наивных мальчиков, которые еще не вычеркнули меня из своих сексуальных грез, я отобрала одного – высокого и худого с гривой темных крутых кудряшек и длинными ресницами. Он казался мне невероятно умным и, в принципе, годился на роль не только первого, но и девяти остальных. Я еще не понимала, что смотреть надо на другое.

На первом свидании мы сходили в кино, на втором в театр, на третьем поцеловались, а на пятое я пришла в белом обтягивающем платье, потому что менее прозрачные намеки мальчик не понимал.

Неприятно, скучно, зато быстро – так я поставила галочку рядом с первым именем.

Девчонки говорили, что в первого влюбляешься без памяти – но у меня вышло наоборот.

Без памяти я влюбилась во второго.

Пошла бы за ним босиком по снегу, поехала бы в любую ссылку, отдала бы все, что имею. Но к счастью, он не понял, насколько я была отчаянно, как кошка, влюблена, и взял только то, на что целился. В первый же вечер нашей встречи через три часа после знакомства – и на всю ночь. За всю эту ночь я ни разу не вспомнила о том, что у меня был кто-то еще, какой-то скучный красивый мальчик с гривой темных кудрей.

Этот, новый, второй, безумная моя любовь с первого взгляда, оказался всем моим миром. Я переселилась к нему в первую же неделю, готовила ему завтраки и ужины, закрывала глаза на измены, воровала продукты из магазинов и стреляла сигареты на улице, потому что у него никогда не было денег, а когда были – он спускал их на других девушек.

Я не спала по полночи, потому что слишком щемило сердце при взгляде на него – просыпалась и смотрела до самого звонка будильника, как ресницы чертят черные полукруги

на бледной коже, как длинные пальцы изломанными тенями лежат на белых простынях, как поднимается загорелая грудь при дыхании.

С ним я познала в сексе все то, что не познала с первым – то есть, практически все, что придумало человечество. Мне было все равно: больно это, неприятно или опасно. Если он хотел – я была согласна.

Что угодно – лишь бы с ним.

Неудивительно, что к финалу все покатилося, когда он предложил жить дальше как брат с сестрой. Только чтобы я готовила. И убиралась. И иногда все-таки делала минеты – его новая фаворитка этого не любила. Прочие виды секса он считал изменой.

Но даже униженной я бы все равно не ушла. Он выкинул меня как котенка.

Сначала соврал, что уезжает к бабушке на выходные, а в квартире будут травить клопов: «ты уж перекантуйся где-нибудь у подружек пару ночей».

А потом просто забыл позвонить мне.

Через несколько дней я сама пришла под окна, увидела на балконе голую курящую блондинку и даже не стала подниматься, чтобы поговорить.

Подчиняясь каким-то вселенским законам симметрии, дальше все пошло по спирали, повторяя раз за разом один

и тот же сценарий.

Третий, пятый и седьмой мои мужчины были скучноватыми, умными и предсказуемыми. С ними было спокойно и тоскливо. Я уходила от них сама, не желая на третьем десятке вести жизнь пенсионерки.

Четвертый, шестой и восьмой врывались как ураган, раздербанивали мою жизнь на осколки и обрывки. С ними я напивалась до полусмерти, трахалась в туалетах ночных клубов, возвращалась домой босиком через полгорода. Они бросали меня максимально жестоко, сливаясь в тот момент, когда я была уязвима.

Олега я проверяла всеми возможными способами. Посмотрела на него пьяным, усталым, не выспавшимся. Съездила вместе в отпуск, в «Икею» и даже переклеила обои. Он безропотно дарил колбасу вместо бесполезных дорогих роз, покупал правильные прокладки и всегда приходил на свидания вовремя.

Он был идеальным. Он мне нравился.

Я не собиралась его бросать, потому что знала – по традиции я до смерти влюблюсь в десятого и останусь с разбитым сердцем и сломанной жизнью.

День, когда все изменилось

Сегодняшнее утро началось как обычно: с растворимого кофе, бутерброда с сыром и пробежки за автобусом.

У меня было правило – если я успела дойти до поворота, прежде чем автобус остановился на светофоре, то я бегу за ним до остановки. Если не успела, он может хоть час простоять с открытыми дверями, я буду так же упорно стоять напротив, но не сяду в него.

Из метро я обычно поднимаюсь на самом левом эскалаторе. Огибаю газетный киоск только сзади. Пока иду до офиса, мысленно перечисляю все ежемесячные закупки в определенном порядке.

Раньше я курила, и надо было успеть докурить сигарету прежде чем зайду под эстакаду. Но после тяжелого воспаления легких курить пришлось бросить. В первый раз после болезни было очень-очень страшно идти от метро к работе без сигареты. Казалось, этот ритуал заклинает демонов, владеющих моим начальником, и если все сделать правильно, он меня не уволит. Поэтому, чтобы успокоиться, я принялась вспоминать всю рутину, о которой забыла за два месяца в больнице. Список из десятка сортов чая и капсул для кофемашины, сливок, молока, печенья, салфеток, бумаги для принтера, ручек, фильтров для увлажнителей, корма для ры-

бок, туалетной бумаги, скотча, мыла, и так далее, и так далее, и так далее, крутился в моей голове, складываясь в успокаивающую мантру, и с ней на устах я вошла в офис.

День прошел великолепно.

Теперь я не могу избавиться от этих мыслей.

Я ненормальная?

Я нормальная.

Я узнавала.

Спросила у психолога, не докачусь ли я до того, что буду считать листики на деревьях и мыть руки раз в пять минут?

Но он только улыбнулся.

Дальняя кабинка в офисном туалете, четное количество ягод на тарелке, дотронуться до ручки двери, выходя на улицу, не наступать на люки и швы плитки – это еще не сумасшествие. Вот когда я три часа простою на переходе, дожидаясь тринадцатой по счету красной машины, тогда можно будет волноваться.

Я не стала ему рассказывать, что пока левый эскалатор был на ремонте, я выходила из метро через другой вестибюль.

– Сергей Андреевич, можно?

Я для приличия побарабанила по косяку двери, ведущей в начальственный кабинет.

– Да, конечно, Евочка, когда я тебе отказывал? – началь-

ник даже подорвался к кофеварке. – Тебе капучино? Без сахара?

Сергей Андреевич был бы звездой любого офиса. Он высок, красив и импозантен. У него темные волосы и голубые глаза, идеальные костюмы и дорогие часы, нос с горбинкой и ямочки на щеках, сексуальная небритость и жилистые руки. Все то, от чего девушки укладывались бы штабелями.

Да вот беда – у нас работают одни мальчишки-программисты. Кондовые и суровые, из тех, что могут год питаться крошками из клавиатуры, носят лохмы ниже плеч и страшненькие свитера. Причем Сергей Андреевич, кажется, специально таких подбирал – у конкурентов давно и девушки кодят, и юношей выучили слову «барбершоп». Зато редким девушкам – мне, секретарше, бухгалтерии в полном составе и двум посменным красоткам с ресепшена достается все его внимание. И даже кофе из монарших рук.

Тут бы и сказать, что Сергей Андреевич девушками в принципе не интересуется, поэтому все это счастье – не про нас.

Но все намного-намного хуже.

Сергей Андреевич уделяет внимание нам всем *одинаково*.

Он не женат, не обручен и никем не занят.

С женщинами флиртует, к мужчинам равнодушен.

Человек-загадка.

Зато его всегда можно использовать для поднятия самооценки, если день не задался.

– Евочка, ты сегодня выглядишь просто божественно! А цвет лица такой, как будто только из отпуска. Может, тебе он и не нужен? Давай отменим, а то мы без тебя каждый раз невыносимо скучаем и только трудовой и уголовный кодекс мешает держать тебя тут круглогодично.

– А я по делу.

У меня целая стопка с распечатками, в которых анализ моей эффективности – да, у офис-менеджера тоже есть KPI! – у меня бухгалтерские сводки с экономией расходников, у меня отзывы в рабочем чате о том, как стало комфортно работать с новым сортом чая, ссылки на вакансии с зарплатой выше, чем у меня, данные пропускной системы о том, сколько часов я провела последний месяц в офисе.

И главное – у меня под пяткой старый советский пятак, и я сбегала в соседний офис погладить трехцветную кошку.

Я полностью готова к разговору о повышении.

Срабатывает, конечно, кошка. Или пятак.

Потому что Сергей Андреевич отметаает мои попытки вручить ему всю эту кипу бумаг одним движением руки, выбирается из своего начальственного кресла и садится на край стола поближе ко мне:

– Евочка, как ты можешь подумать, что я не замечаю твоей прекрасной работы? Скажу по секрету, – доверительно понижает он голос. – Я не повышал тебе зарплату до сих пор только из-за слухов. И так все говорят, что я благоволю к тебе больше прочих, а если выдать тебе премию или повышение без твоей просьбы, это станет совсем очевидно.

– А вы благоволите? – улыбаюсь я. У нас странные отношения – он меня на «ты», я его на «вы», но флирту это не мешает. – Есть чему становиться очевидным?

– Эх, Ева! Я же видел твоего бойфренда, зачем ты разби- ваешь мне сердце! – Сергей Андреевич окидывает меня абсолютно мужским подробным взглядом. Настолько заряженным, что я отмечаю нашу последнюю версию о его асексуальности. – Как только бросишь своего увальня, сразу приглашу тебя на ужин.

– Зачем мне его бросать? – теряюсь я. Это какой-то новый заход, раньше такого не было.

– Потому что ты в последний месяц задерживалась не только из-за реорганизации – кивает он на мои распечатки. – Неужели ты думаешь, я правда совсем тебя не замечаю? Какие у тебя потухшие глаза по утрам, когда ты приходишь, и как они разгораются днем. И снова тухнут, когда собираешься домой. Ты оттягиваешь этот момент как можешь, это очень заметно.

Он говорит это без насмешки и совсем не флиртующим тоном.

Озабоченно говорит, так что я полностью теряюсь и не понимаю – это серьезно?

Он серьезно?

Вот это повод задуматься.

Сергей Андреевич кивает мне:

– Обсудим этот вопрос на будущей неделе, когда все устанется.

Надеюсь, речь все-таки о повышении, а не ужине, когда я брошу Олега.

После работы я решила забежать в магазин. За вином – отметить не очень отрицательный ответ начальства.

Побросала в корзинку спагетти, соленую рыбу, помидоры, авокадо. Тщательно выбрала две бутылки вина – сегодня пусть будет французское. Зашла за творогом и йогуртами и, выбирая их на полке, отдернула руку, чуть не задев десерт «Эрба».

Его брать было нельзя. Ни в коем случае.

Я ела его всего два раза в жизни.

Когда купила на первую свою настоящую работу в офисе два стаканчика, поставила в холодильник, один съела в обед, другой собиралась завтра. Но вернувшийся из командировки в Лас-Вегас большой босс, проигравшись там в пух и прах, решил сократить всех «дармоедов». Офис-менеджер попал в этот список по определению.

Уходя я убрала второй стаканчик в сумку вместе с конвертом, в котором лежали мои «отступные».

Мутноглазый парнишка-наркоман, который приставил к моему горлу лезвие ножа в подъезде, десерт брать не стал. Только конверт.

Второй раз я взяла «Эрбу», чтобы перекусить, пока ждала жениха – свою попытку номер шесть, у загса. Он опаздывал с работы, я очень хотела есть. Орехово-шоколадный десерт был очень вкусным.

Меня долго потом тошнило им в ближайшем перелеске после разговора с глубоко беременной блондинкой, которая подошла ко мне, сверяясь с фотографией в телефоне. Ей было совершенно непонятно, почему мой шестой и очень любимый мужчина хочет жениться на мне, а не на ней. Ведь она носит его сына.

Больше я никогда даже не смотрела в сторону этого десерта.

Я не собиралась рисковать даже для того, чтобы проверить – совпадение это или правда злой рок?

В одну-единственную открытую кассу уже выстроилась длинная очередь, и я со вздохом встала в ее конец. Почему днем здесь всегда три скучающих кассирши, а вечером зашивается одна?

Но сейчас у меня было подозрительно хорошее настрое-

ние. Стоять в длинной очереди в кассу в «Пятерочке» и чувствовать себя хорошо – это что-то нездоровое. Так не бывает.

Что со мной? Разговор с начальством обрадовал? Вроде не очень. Рабочий день закончился? Но Сергей Андреевич прав – домой я не слишком рвалась. А уж встреча с «Эрбой» и воспоминания, которые она пробудила и вовсе негодились.

И тут поняла.

Вместо привычного затхлого запаха подгнивших овощей и промокших коробок, меня окутывал мой любимый мужской аромат – «Homme» от Dior. Я однажды купила его в дьюти-фри в аэропорту кому-то в подарок, и не смогла отдать – так и оставила себе. Тонкий, необычно-мужской, с нотами ириса и древесины. Чуть отстраненный – и очень дорогой.

Передо мной в очереди сейчас стоял живой человек, пахнущий этим парфюмом – и он был мужчиной той породы, что не часто встретишь в эконом-магазинах.

Темные волосы, уложенные так, что кажется – он просто пригладил их после душа.

Песочного цвета свитер крупной вязки и такого же оттенка джинсы.

Треккинговые ботинки стоимостью с весь мой зимний гардероб.

Он так неуловимо отличался, что сразу и не скажешь, что именно выдавало разведчика из другого мира ступеней на сто повыше нашего нищевородского района.

Только набор продуктов у него в корзинке снизил пафос: бутылка пива, нарезка колбасы и подозрительно вздувшийся салат в пластиковой коробочке.

Если бы я была не я, а кто-нибудь, кто выглядит как я, но намного-намного смелее, этот кто-нибудь сейчас обязательно бы сказал пришельцу из лучшего мира, что такой салат есть не стоит. Возможно, после этого завязалась бы непри-
нужденная беседа: «А что вы посоветуете из ассортимента в это время суток?» и, чем черт не шутит, обмен телефонами. Нельзя ведь оставлять человека одного в таком враждебном окружении, он ведь совершенно не приспособлен к существованию в наших краях. Вряд ли в тех местах, где он бывает обычно, водятся несвежие салаты.

Но ведь такой человек может и нафиг послать, если честно. Рывкнуть, что и без сопливых неудачниц разберется. И что лучше бы я думала о доме и о том, что у меня там уже есть не самый худший экземпляр мужского рода. Этот, конечно, покруче будет – на вид ему лет сорок, но очень удачные, голливудские сорок с сияющей кожей, крепкой, но стройной фигурой и уверенными движениями.

Пока я мучилась, подошла наша очередь, и кассирша, ко-

торая тоже залипла на роскошного разведчика, только ей больше повезло – она его еще и спереди видела, вопреки всем внутренним правилам торговли в дешевых магазинах, кивнула на салат:

– Испортился.

– Что? – растерянно переспросил мужчина, и я чуть не мурлыкнула от почти физического удовольствия, которое доставил мне его голос. Словно кто-то погладил меня по руке кусочком меха норки.

– Салат ваш испортился, говорю. Не берите.

– Да? – он удивленно поднял коробочку и оглядел ее. – А срок годности вроде нормальный.

– Ну так хранили неправильно, – пояснила она. – Возьмите другой.

– Нет, я лучше пиццу закажу, – вдруг ослепительно улыбнулся кассирше мужчина. – Спасибо вам большое за помощь!

Его улыбка моментально подняла температуру в окрестностях градусов на пять. Кассирша, попавшая под направленный луч обаяния, подняла руку, пытаясь поправить прическу и смущенно опустила ресницы.

Досада спартанским лисенком свернулась в животе и начала усиленно грызть меня изнутри. Ну что мне стоило сказать всего два слова, а? И вот этот прожектор харизмы был бы сейчас направлен на меня, и я бы пунцовела под благодарным взглядом и не решалась поднять глаза, что-то нелов-

ко бормоча. А потом вышла бы с ним на улицу...

Да что ж со мной сегодня такое-то!

Салат мужчина оставил на кассе и вышел из магазина, а кассирша так и осталась под гипнозом его феерического обаяния. По лицу ее блуждала мечтательная улыбка, а движения были медленными и плавными. Что не ускоряло работу, конечно же. Но я могла ее понять.

Когда наконец все мои йогурты и авокадо были сложены в пакетик, а я вышла на улицу, прекрасного незнакомца там уже, конечно, не было. Наверняка сел в свою многомиллионную машину и отправился по лунному лучу обратно в сияющие небеса.

Ветер из другого мира

От магазина до дома у нас метров сто, но я решила пойти длинной дорогой, обогнув дом с той стороны, где нет подъездов. Зато есть яблони, пахнущие густо и медово, развесистые кусты черемухи и сирени и клены, которые пока еще не перекрасились в желто-оранжево-рубиновый, но уже примериваются, и желтые растопыренные кораблики скоро будут, кружась, укрывать россыпь опавших яблок.

Здесь почти никто не ходил, даже собачники предпочитали гулять ближе к лесу. Только дворники в оранжевых жилетах иногда стригли траву в июльский полдень.

Этот маленький кусочек одиночества всегда помогал мне отгородиться от рабочих проблем и подготовиться к встрече с домом. Превратиться из Евы замотанной в Еву заботливую.

Я шла и думала, что должна быть счастлива. У меня сейчас есть все – хорошая и нужная работа, здоровая мама, верная подруга, любящий мужчина. Я собрала все ингредиенты спокойной счастливой жизни.

Но вот такие осенние вечера, когда я возвращаюсь в темноте с работы, захожу по пути в магазин, а потом мой мужчина открывает мне дверь, целует, забирает сумки и помогает готовить ужин – они будут всегда, до самой старости.

Так живут все вокруг, так всегда стремилась жить и я. Молодость нужна, чтобы перебрать все варианты и прийти в итоге к той же самой картинке, к которой пришли миллионы людей до меня. Работа, вечер, ужин, сбросить туфли, налить вина...

Я скривилась, словно воображаемое вино оказалось кислым.

Что-то изменилось после встречи в магазине.

Сдвинулся один-единственный камушек в самом нижнем ряду тщательно выстроенного будущего. Я вдруг поняла, что всегда возвращалась по этой аллее не только ради запаха осенних яблок. Мне уже очень давно не хочется возвращаться в свой мир.

Но другого я никогда не представляла.

А сейчас этот инопланетный разведчик дал мне шанс туда заглянуть... Нет, даже не заглянуть – почувствовать его ветер на своей коже.

Ветер мира, где нет затхлого запаха «Пятерочек», нет работы с девяти до шести с обеденным перерывом, нет одной и той же дороги от остановки автобуса до магазина, и от магазина до подъезда. Одинаковой, одной и той же квартиры на всю жизнь: на следующие пять лет с бежевыми обоями, потом еще на десять с зелеными в полоску и потом уже до самой смерти – с синими цветами. И дело даже не в том, что мне это все не нравится. А в том, что оно – навсегда.

В этом дворе я живу почти тридцать лет, с рождения. Вон там моя школа, а вон та дорожка ведет к детскому саду, где я помню каждый бетонный вазон у ворот и уверена, что в левом, в самой глубине, все еще закопан пластмассовый синий солдатик, которого я украла у друга детства Сашки.

И оставшуюся половину жизни проживу здесь же. Где родился, там и пригодился – утешительная мудрость для таких, как я.

Когда бабушка с дедушкой умерли и завещали маме квартиру, она оставила эту мне, а сама уехала жить на северо-запад Москвы, где и экологическая обстановка лучше, и живут люди побогаче и поприличнее. А я осталась в своем родном пролетарском районе. Иногда я жалею, что у меня есть своя квартира – если бы мне приходилось жить на съемных, я могла бы менять районы. Хоть что-то менять.

Но по четвергам у меня нет времени на экзистенциальное отчаяние. Эти лишние пять минут – максимум, который я могу себе позволить. Потом надо возвращаться домой, готовить ужин, гладить блузку на завтра, посмотреть с Олегом кино, заниматься сексом и ложиться спать не позже полуночи, иначе не высплюсь. Так что я выдохнула, собралась и вернулась за угол – на этот раз никто не переезжал и дверь подъезда была закрыта.

Пришлось лезть за ключами. Ткнула «таблеткой» в домофон, распахнула дверь и рванула вверх по лестнице к лифту, перескакивая через ступеньку. Есть у меня такая примета – если успею нажать кнопку вызова до того, как хлопнет входная дверь, то дома все будет хорошо.

Успела – кнопка щелкнула, загорелась, и я облегченно выдохнула. Но дверь почему-то все не хлопала и не хлопала. Я сделала шаг, выглядывая из ниши с лифтом – кто-то ее придерживал, видимо, читая объявления на двери подъезда. И как мне теперь засчитывать примету? За хорошую или за плохую?

Наконец дверь снова распахнулась, и в подъезд вошел тот самый мужчина из магазина в песочном свитере. Он не сразу меня заметил – говорил по телефону. Точнее – раздраженно рычал в трубку:

– Вот скажи, а в запрете какой тайный смысл? Почему я не могу пожить в собственном доме в Лондоне? Думаешь, вырвусь и сбегу куда-нибудь в Конго? Зачем мне это?!

Его голос, раньше показавшийся мне таким шелковым, сейчас звучал надтреснуто, неприятно – как будто стаскиваешь зубами мокрую шерстяную варежку. Я аж передернулась.

Он поднялся по лестнице, не замечая меня, и еще раз на-

жал уже горящую кнопку лифта, продолжая вслушиваться в то, что ему говорят в трубке:

– Лен! Нет, Лен, послушай! Вот это ты будешь в суде врать! Мне-то правду скажи! Это просто, чтобы меня добить? Я тебе настолько отвратителен, Лен? Нет! – он дернулся и вжал телефон в ухо, словно вслушиваясь. – Нет, Лен, я не договорил! Лена! Ах ты ж!..

Он опустил руку и с такой ненавистью посмотрел на невинный смартфон, что мне показалось – сейчас шарахнет им об стену. Но он только преувеличенно аккуратно убрал его в карман и развернулся ко мне.

С его появлением запах влажной штукатурки и круглогородичная, навеки пропитавшая все вонь дешевой краски растаяли, смывые будоражащим ароматом моего любимого парфюма.

Я чуть-чуть отодвинулась, хотя больше всего хотела сделать шаг вперед. Но как-то неудобно набрасываться на незнакомого человека только потому, что тебе нравятся его духи.

Он удивленно моргнул, вдруг осознав, что я существую, стою тут перед ним и даже слышала все сказанное.

– Здравствуйте... – сказала я, чтобы как-то прервать неловкую паузу.

Он смерил меня удивленным взглядом и с глубоким недо-

умением в голосе ответил:

– Добрый вечер.

И снова его голос шелковистым мехом лизнул меня по коже.

Во рту мгновенно пересохло.

В этот момент двери лифта открылись, и я как-то машинально, просто следуя многолетней привычке, в них зашла. Иначе так бы и стояла, примерзнув к полу.

Он тоже зашел и сразу вдавил кнопку одиннадцатого этажа.

– Мне десятый, – выдавила я из себя.

Уже отвернувшийся от меня мужчина удивленно переспросил:

– Что?

– Мне на десятый, – повторила я.

Он стоял слишком близко в слишком маленьком лифте. В замкнутом пространстве одного квадратного метра там, в глубине, под дорогим ароматом «Nomme» я чувствовала – его собственный запах. Совсем не то же самое, что нюхать флакон или побрызгать на подушку. В сочетании с запахом мужчины древесный, чуть пыльный запах становился возбуждающим и магическим. Словно ловко и безупречно сшитый костюм надели на того, с кого снимали для него мерки – и он сел идеально.

– И что? – еще более удивленно переспросил он.

– Вы ведь наш новый сосед, заехали в 44-ю квартиру?

– Да, а вы к этому какое имеете отношение?

Да уж, мне лучшей харизмы уже не досталось. Только ледяной недоуменный тон с легкой ноткой брезгливости, будто я прошу у него милостыню, где-нибудь на перекрестке постукавшись в окошко его черного «Бентли».

– Я ваша соседка... – приходится сделать крошечный вдох, потому что нервничаю я все сильнее, и от этого следующие слова звучат совсем неловко и двусмысленно: – ...снизу.

Горло перехватывает спазм, сердце колотится, и я слишком быстро и глубоко дышу, так что начинает кружиться голова.

– А... – уже намного равнодушнее отзывается он. И добавляет рассеянным тоном, уже потеряв ко мне интерес: – И?

– Ну... Принято спрашивать, какой кому этаж, – поясняю я и тут же ругаю себя за это занудство. Перед тобой такой роскошный мужчина, к которому хочется прижаться, чтобы почувствовать его собственное тепло под мягким толстым свитером, а ты рассказываешь ему правила вежливости для соседей, едущих в одном лифте.

За те тридцать секунд – тридцать пять, если учесть, что едем мы все же на одиннадцатый – я довела себя до истерического полуобморока. А еще хотела его харизмы! Да я бы в том магазине на месте умерла!

Лифт наконец останавливается и открывает двери. Я, как под гипнозом, выхожу и только недоуменный холодный взгляд останавливает меня.

– Простите? – поднимает он бровь. – Вы же сказали, что живете этажом ниже?

Он придерживает закрывающуюся дверь лифта и делает приглашающий жест.

– Пешком спущусь! – почти выкрикиваю я нервно и ссыпаюсь вниз по лестнице на свой десятый, чувствуя себя пятиклассницей, на которую наконец посмотрел старшеклассник, который ей нравится.

Это что за реакция такая?

Я прислоняюсь к равнодушной бледно-зеленой стене рядом со своей квартирой и пытаюсь перевести дух и успокоить сердцебиение.

Все-таки несколько неожиданно обнаружить мужчину-мечту прямо здесь, в моем мире, в моем доме, прямо у себя над головой.

Я уже привыкла к мысли, что он пришелец из нездешних краев, принц инкогнито проездом, а тут, оказывается, у нас даже вентиляционная система будет общей. Можно по утрам обонять не только диоровские ароматы, а и самые что ни на есть натуральные.

Я начинаю нервно хихикать, изо всех сил зажимая рот рукой, просто чтобы смех не перерос в истерику.

И тут понимаю, что так и не слышала хлопка двери наверху. Значит, он еще не зашел в квартиру, и ему отлично слышны мои нервные всхлипывания в тишине подъезда.

Нет места лучше родного дома

Я нащупала в кармане ключи и трясущимися руками отперла дверь. Быстро захлопнула ее за собой и уставилась в глаза своему отражению в темном зеркале напротив двери.

Хорошо, что Олег, как всегда, в наушниках, и есть время прийти в себя.

– Ты чего свет не включаешь?

Всегда – но не сегодня.

Олег щелкнул выключателем и притянул меня к себе, чтобы поцеловать:

– Видишь, я тебя встречаю. Давай сумку. Как дела на работе? Ого, ты много накупила!

Он придержал меня за локоть, пока я снимала туфли и подождал, пока найду тапочки.

Олег вел себя безупречно, делал ровно то, что я хотела от него вчера.

Но почему все так не вовремя?

– Пойдем, – он потянул меня на кухню. – Смотри, я тебе цветочки купил! Ты же все время жалуешься, что я не проявляю к тебе романтическое внимание. Вот.

Высоченные, с метр, а то и больше, чайные розы стояли

на кухонном столе в керамической вазе, едва доходившей им до трети длины. Казалось – неловко повернешься, и они кувырнутся на пол.

– Там же есть высокая ваза! – я придержала розы. Олег задел стол, проходя к холодильнику, и вся конструкция угрожающе качнулась.

– Где там?

– В шкафу.

Я открыла дверцу – мне казалось, я убирала вазу на самую верхнюю полку, где склад всего, что редко используется. Но даже встав на цыпочки, я не могла рассмотреть, там она или нет. Надо табуретку вытаскивать.

– Олeж, посмотри, ты высокий, – я даже подпрыгнула, но это не помогло. Вок вижу, мясорубку вижу, а зеленый бок – это ваза?

Олег бросил недоразобранную сумку на пол, подошел, бросил короткий взгляд:

– Не вижу никакой вазы.

– Ну посмотри нормально, она там далеко, – попросила я.

– Отстань, нет там никакой вазы! – Олег грохнул дверцей шкафа и ваза с розами опасно зашаталась.

– Олег!

– Что – Олег? – раздраженно рявкнул он. – Почему я опять что-то сделал не так? То не встречаю, то не дарю, теперь дарю – опять не слава богу!

– Все так! Прекрасные розы, огромное тебе спасибо! – я чмокнула его в щеку, успокаивающе погладила по плечу и потянулась за табуреткой. – Только они перевесят и грохнутся. Надо подрезать и поставить в вазу повыше.

– То есть, я неправильные розы купил? Цвет тебе тоже не нравится? Может, ромашки надо было? Ты продолжай, не стесняйся! – Олег начал заводиться.

– Я не так выразилась, прости. Олег, ну чего ты... – я вдруг почувствовала, что где-то в желудке начинает закипать кислота.

– Что Олег? Что опять Олег? Почему ты придираешься вообще ко всему, что я делаю? Секс не такой, еда не такая, не встретил – плохо, встретил – еще хуже! Не дарю цветы – мудаки! Дарю – неправильные!

Я уже взяла в руки табуретку, чтобы подставить и поискать вазу наверху, но тут кипящая кислота плеснула через край, я не выдержала и грохнула ею об пол:

– Хватит! Хватит на меня орать!

– Ты еще не слышала, как я ору! – проревел он на полной громкости мне в лицо.

– Да пошел ты нахер! – заорала я в ответ.

– Сама пошла! Овца! Святая Ева! Бедная, так устала, что уже забыла, когда дома убиралась или пожрать готовила! Зато про цветы не забываешь!

– Я работаю!

– А я, блять, наверное в игрушки тут играю! У меня зар-

плата побольше твоей!

– А мне что с нее толку! Еду я покупаю на свои!

– Кто тебя в отпуск возил, а?

– Если б ты столько не жрал, я бы сама себя свозила!

– Ты бы вообще без меня обошлась, да?

– Да!

– Ну и обходись!

Дверь в комнату шарахнула так, что, кажется, содрогнулся весь дом с первого по четырнадцатый этаж. И следом прилетел гулкий удар в нее.

Я фурией ворвалась к Олегу:

– Какого хера ты тут творишь?!

Он потирал кулак, глаза у него были бешеные.

Развернулась – в двери красовалась отчетливая вмятина.

– Да ты осатанел вообще, псих?!

Он дернул дверь шкафа, вывалил оттуда весь хлам: занавески, скатерти, лишние подушки и одеяла, грохнул чемоданом об пол и начал сгребать туда свои вещи с полок.

– Ебанат... – прошипела я, привалилась к двери спиной, сложила руки на груди и прокомментировала:

– Давай, давай. Ничего не пропусти, мне твои дырявые трусы не нужны. Комп тоже в чемодан сунешь? И говнодавы свои? Журналы не забудь, мне этот хлам не нужен. У тебя там волшебный сундук из «Гарри Поттера»? Или сразу Выручай-комната? Может, там и будешь жить? Идти-то тебе некуда. Сразу в свою Рязань свалишь?

– Заткнись! – рявкнул Олег. – Просто заткнись!

– Если я заткнусь, ты сейчас передумаешь и снова со-
лешься!

– Я тебе настолько надоел?

Я чиркнула ребром ладони по горлу:

– Вот так вот!

– Так что ж молчишь? – он сделал шаг ко мне, я вжалась лопатками в дверь, но взгляд не отвела.

– Я молчу?! – изумилась. – Вот и говорю – вали!

Олег швырнул свитер, который держал в руках, на пол, метнулся к компу, повыдергивал провода, бросил их тоже, поволок монитор к чемодану, за что-то зацепился, выматерился, уронил его на стол...

...и вдруг замер, опустив руки.

Я тоже застыла, тяжело дыша и слушая свое яростно ко-
лотящееся сердце.

Целую минуту, а то и две мы провели в напряженном мол-
чании, не двигаясь, только успокаивая дыхание.

Олег смотрел куда-то в окно, я смотрела на него.

Он опустил глаза, потер кулак – на костяшках остались
ссадины.

И тихо сказал:

– Ев...

– Мммм? – я не собиралась облегчать ему участь и идти
навстречу.

Он подошел ко мне, все еще опустив голову, ткнулся лбом в лоб, оперся на дверь ладонями по обе стороны от моей головы. Между нашими губами оставалось крошечное расстояние, и я чувствовала его дыхание и их тепло. Надо было его поцеловать.

Но я была все еще чудовищно зла.

– Хватит, Ев. Я же тебя люблю, – тихо сказал он и потянулся ко мне.

Я молча мотнула головой, снова избегая поцелуя.

Олег сгреб меня в объятия, уткнулся в шею и глухо проворчал в нее:

– Дурацкие цветы. Не было их – и не ссорились. А ты еще спрашиваешь – почему я их не дарю.

– Я не спрашиваю, – я остывала очень медленно, но все-таки остывала. – И так понятно. Тебе просто насрать.

Теперь я точно знала, как работает та примета, что с дверью подъезда. Она все-таки должна хлопнуть. Иначе происходит что-то такое, как сейчас.

– Глупости. Давай, скажи мне, какие у тебя любимые цветы, я запишу. Длина, цвет, сорт. Только такие и буду дарить.

– Ой да забей. Лучше купи что-нибудь вкусное, – я с неохотой расплела сложенные на груди руки и обняла его за шею. Сама потянулась губами – и поймала поцелуй.

– Давай сбегая в магазин, – предложил он. – Что ты хочешь? Пива? Мороженого? Шоколадку? Салатик какой-нибудь готовый, чтобы на кухне сегодня не возиться?

— Я там вина купила! — вспомнила я. — И персики. Давай? Мне начальник сказал, что подумает о повышении. Это не точно, но уже половина дела, можно отпраздновать.

Мы вернулись на кухню.

Я не стала воскрешать тему роз, просто отнесла их в ванную, набрала воды и отправила пока поплавать. С вазой разберемся как-нибудь потом. Олег уже разобрал сумку с продуктами и достал вино. Готовить никому не хотелось, решили обойтись фруктами и сыром. Нашли толстые белые свечи, я выключила свет и устроилась рядом с Олегом, положила голову ему на плечо. Он подливал мне вино, подкладывал полупрозрачные ломтики сыра, кормил истекающими соком персиками из своих рук, а потом мы долго целовались, обмениваясь терпким вкусом вина на губах.

К концу второй бутылки глаза у нас блестели, а дыхание срывалось, но Олег держался, помня о своем обещании не настаивать на сексе. Поэтому я первая перешла к активным действиям, устроившись на коленях перед ним и потянувшись к ширинке.

Соседские скандалы

Пить вино в четверг – очень плохая идея.

Утро пятницы не задалось. Стараясь не расплескать боль, налитую по самые края черепной коробки, я доползла до ванной в надежде, что после душа станет полегче, и с отвращением уставилась на плавающие там чертовы чайные розы.

Конечно, вчера нам было не до них.

Наклоняться, вылавливая сначала цветы, а потом листочки от них, было физически больно. Толстые стебли с водоемлением кололи меня иголками, лепестки норовили опасть раньше времени прямо на пол – но было уже наплевать. Пусть валяются.

На кухне, разумеется, все осталось как было вечером. Засохший сыр на блюде, заветрившиеся персики и стекший на скатерть парафин от свечей. У нас ведь нет маленьких гномиков, которые прибирались бы по ночам.

Потом я обнаружила, что Олег так до конца и не разобрал сумку. Творожные сырки, которыми я планировала позавтракать, расплющились под упаковкой яиц и заодно испачкали йогурты. Я отмыла одну баночку от липкой творожной массы, села на край дивана и съела его с очень мрачным ви-

дом.

Больше всего бесило, что пока я ковыляю по квартире, постанывая от отвращения к реальности, зараза Олег спокойно спит. Точнее, проснулся, попросил принести водички и снова заснул. Ему в офис не надо, можно даже взять выходной и спокойно поработать, когда полегчает. Закажет, небось, сейчас остренький фо-бо с доставкой и будет страдать в комфорте. А у меня впереди метро...

Рабочий день тоже не задался.

Чертов принтер, из-за которого мне во время переезда вынули весь мозг, сломался, и я догадываюсь, что не сам по себе. Не поделили два отдела младенчика, и применили соломоново решение, разрубив к чертям гордиев узел.

Заодно в процессе переезда пали смертью храбрых несколько столов, стульев и мониторов. Никто не может найти, куда в порыве улучшайзинга убрали запасы бумаги. Под шумок отделы наворовали друг у друга печенек, сахара и чая. Разнообразия им захотелось. Взрослые люди, мать!

В обед я спряталась в бухгалтерии, где меня кормили шоколадкой от нервов и поили коньяком от похмелья.

По пути домой я даже на швы между плитками старалась не наступать и тщательно обходила люки. Если сегодня еще хоть что-нибудь пойдет не так, я просто взорвусь!

Я просто хочу прийти домой, поскулить в подушку от так

и не прошедшей головной боли, поужинать, выпить чаю и лечь спать. Все! Все!

Но я никак не могу повлиять ни на коллег, ни на начальство, ни на выруливающую из двора машину, которая внаглую объезжает шлагбаум по тротуару и обливает меня водой из лужи!

Все, что я могу – заклинять этот мир ритуалами, замечать в нем тайные закономерности, которые делают его немного более предсказуемым и просто не наступать на люки. И выбирать левый эскалатор. Использовать все найденные секреты, чтобы сделать свою жизнь хоть чуточку проще.

Поэтому я открыла дверь подъезда как можно шире – так она на пару мгновений дольше держится, перед тем как захлопнуться, и дает мне больше времени проскочить и нажать кнопку лифта. Нечестная игра, но иногда можно.

Вчера прекрасный, но нервный сосед помешал примете сработать. В этот раз я специально оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не последует за мной, чтобы испортить мой ритуал по заклинанию спокойного вечера.

Все чисто.

Я задержала дыхание, отпустила дверь, рванулась по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньку, чтобы успеть нажать кнопку... и чуть не воткнулась прямо в чертового соседа!

На этот раз он был в классическом темно-синем пиджаке с белой рубашкой и джинсах. Не такой уютно-роскошный как в прошлый раз, но этот образ шел ему еще больше. В моем подъезде, где стены покрашены в самый унылый зеленый, который только можно вообразить, на полу лежит обколотая и замазанная цементом плитка двадцатилетней давности, на дверях лифта выцарапано: «Секаса хочу» и «Наташка – жопа», его элегантный казуальный стиль выглядел так, будто кто-то в «Фотошопе» неумело наклеил профессиональный снимок из каталога «Бриони» на фотку, сделанную мобильником.

Мне кажется, от него исходит сияние – а может, это просто плохо обтравленные края фотографии? Пиджак застегнут на одну пуговицу, манжеты рубашки выглядывают из-под рукава, я уверена, ровно на полтора сантиметра, и даже джинсы идеального классического цвета индиго. Его присутствие подняло уровень элегантности всего нашего квартала в два раза. Если не в три.

Вот этот неловкий момент, когда я чуть не врезалась в него, запыхавшаяся, безумная, устремленная к вожделенной кнопке, а потом изумленно затормозившая, наконец заметив препятствие – он, наверное, запомнится мне теперь на всю жизнь. И всю жизнь я буду поджимать пальцы от неловкости и кусать губы, мысленно видя как ползет вверх четко очерченная бровь, изгибается уголок рта, а темный взгляд из рас-

сеянного становится изумленным.

Кнопку я, разумеется, не нажала. И услышала, как за спиной громко блякнула дверь подъезда.

Блин!

Мой сосед сверху смотрит на меня с насмешкой, словно знает о моих глупых ритуалах. Моя кровь – кипятик, меня штормит – горячие волны то приливают к щекам, то откатываются, оставляя за собой изморозь озноба. Мне то стыдно, то неловко, то вдруг невыразимо приятно от того, как внимательно его взгляд изучает меня.

Я все-таки тянусь к кнопке лифта, потому что никто из нас так его и не вызвал. Его пальцы постукивают по стене рядом с ней, и вдруг я вижу то, чего не замечала раньше.

У него обручальное кольцо.

Вот черт!

Давайте, расскажите мне, что мои ритуалы не работают, что приметы – просто суеверия и ничего не случится, если я разочек их нарушу!

Я же не дура, у меня аналитический ум и IQ выше среднего. Я бы не стала их соблюдать, если бы, черт возьми, эти приметы не сбывались!

Вчера скандал, сегодня кольцо.

Мне кажется, я бледнею просто на глазах. Кровь отливает от лица, и я чувствую, как покалывает щеки холод.

Чтобы окончательно меня добить, этот мужчина, от которого у меня подгибаются ноги и в голове взрываются фейерверки, вдруг кривит губы и с той же насмешкой, что и во взгляде, спрашивает:

– Так вы, кажется, говорили, что живете в квартире подомной?

– Да.

Ева, он женат, говорю я себе. Все, отведи глаза в сторону. Неважно, почему он спрашивает!

– Прямо вот соседка снизу?

– Да.

Ева, у тебя дома свой мужчина, прекрати пялиться на это совершенство!

– А зовут вас случайно не Ева?

– Ева...

Я таю как мороженое. Он знает мое имя!

Точно деградировала до уровня девятого класса.

– А мужа вашего Олег? – уже полуутвердительно говорит он.

– Я не замужем... – отвечаю машинально, пока не понимая, к чему он ведет.

– Мне все равно, – отрезает он. – А вот то, что у меня в квартире вчера всю ночь было отчетливо слышны все ваши претензии к друг другу – вот это не все равно. Почему я должен знать подробности вашей семейных, финансовых и сексуальных проблем? Вы считаете уместным посвящать в них

посторонних людей?

И он раздраженно хлопает ладонью по кнопке вызова.

Я не знаю как оправдываться.

Судорожно вспоминаю все то, что мы вчера с Олегом наговоили друг другу – и краснею. Господи. Господи. Нет. Ну нет! Это все – из-за одной захлопнувшейся двери? Или я еще в чем-то провинилась?

С удовольствием рванула бы сейчас по лестнице пешком, собрала бы рюкзачок, села на поезд Москва-Владивосток, перешла границу с Китаем и затерялась в каком-нибудь городе-призраке покрупнее.

Но лифт как раз приезжает и распахивает двери, и откровенно сбежать будет слишком по-детски. Я и так выставила себя полной идиоткой.

Поэтому я захожу с соседом в лифт – и оказываюсь в ловушке.

Он раздражен и зол, у него морщинка между нахмуренными бровями, а взгляд мечет молнии. Он кривит губы в гримасе отвращения, но почему-то его огненная злость только притягивает меня.

И когда он тянется к панели с кнопками, чтобы нажать сначала мой десятый, потом свой одиннадцатый, я задерживаю на секунду дыхание от того что в тесном лифте он слишком близко. Его кожа излучает жар даже через рубашку и пиджак, а запах «Dior Homme» снова нагло тащит к себе.

На мгновение я прислоняюсь к его груди и, вместо того, чтобы холодно отстраниться, как предписывают правила вежливости по отношению к соседям, задерживаюсь и глубоко вдыхаю его запах – смесь его собственного, парфюма, холодного ветра и ноток натуральной кожи. Мне не хочется отрываться.

Мне жарко, мне тесно, мне невыносимо.

Это самые странные ощущения в моей жизни.

Что я делаю вообще!

А если он поймет, что я это специально?

Но он будто не замечает.

Прожимает кнопку и отстраняется, оставляя меня в раз-
драе.

Вот черт!

Черт-черт-черт!

Я не знаю, что со мной происходит, но это очень плохо. Он женат. У меня бойфренд... сожитель... гражданский муж, да какая разница!

Но я впервые испытываю такое по отношению к мужчине.

Мне всегда хватало симпатии, красивых глаз, того, что меня хотят.

Даже когда я была отчаянно влюблена, это чувство оно жило где-то в голове, вгрызаясь в мозг обезумевшей крысой, но не было настолько витальным. Подобной животной тяги я не ощущала никогда.

Он отстраняется и я едва ловлю себя на остатках силы во-

ли, чтобы не прижаться обратно. На сегодня достаточно унижений.

Каждая из тридцати двух секунд поездки до десятого этажа оставляет у меня на коже невидимые кислотные ожоги. Я отворачиваюсь и только краем глаза вижу рукав пиджака, край белой рубашки из-под него, блеск браслета часов. Пальцы у него сухие, с узловатыми костяшками, аккуратными прямоугольными ногтями. Я рассматриваю их между огненными вдохами и натурально схожу с ума от того, какие они совершенные.

Ева, прекрати!

Я едва дожидаюсь, пока лифт остановится на моем этаже. Даже не дожидаюсь – едва двери начинают открываться, я пытаюсь протиснуться, бьюсь о них как дурная бабочка и слышу за спиной обидный смешок.

Когда лифт уезжает наверх, я только закрываю глаза, переживая, пока отпустит острое ощущение позора.

Но я снова забываю, что ему надо всего лишь этажом выше. И все, что мне остается, когда я слышу, как он выходит из лифта – затаиться и ждать, слушать, как сосед долго ищет ключи по карманам, находит и роняет, поднимает, отпирает дверь, ругаясь полусшепотом, и наконец захлопывает ее за собой.

Теперь я могу отмереть и открыть свою.

Рассеянно шарю в сумке в поисках ключей, пытаюсь выпепить их за стеклянный брелок, но вместо них мне попадает то помада, то коробочка с леденцами, то зарядка для телефона, то еще десяток самых нужных вещей, которые всегда болтаются на дне и никогда не находятся, когда нужны.

Мысли мои сейчас заняты совсем не ключами. Я пытаюсь понять, что это вообще было. Может, у меня просто недотрах? Не помню, когда последний раз получала оргазм. Может, надо просто кончить и я перестану бросаться на симпатичных незнакомцев?

Мне сейчас действительно страшно хочется секса. Такое взвинченное состояние, как после эротических снов, когда просыпаешься распаленная и кажется – дотронься и взорвешься.

Я пробовала использовать Олега в такие моменты, но он с подозрением спрашивал, кто это мне приснился, какой чужой и прекрасный мужчина меня возбудил? Если я сейчас на него наброшусь, у его подозрений будут все основания.

Домашняя кухня

Я не успела нащупать выключатель, а Олег уже был в коридоре. Забрал у меня сумку, помог снять пальто и поцеловал в губы. Я качнулась к нему, продляя поцелуй. Он обнял меня за талию, я закинула руки ему на шею...

– Посмотришь, что у меня на кухне? – спросил он, прерывая объятия, прямой дорогой, как мне казалось, ведущие в постель. – Я попробовал сделать лазанью, но в соусе то ли помидоров многовато, то ли еще что, не пойму. Фигня какая-то. Я бы поправил – и через пятнадцать минут ужин готов.

– Да, сейчас...

Я стащила сапоги, чувствуя, как горят губы, требуя продолжения.

Но Олег ушел к своей лазанье, вообще не обращая внимания на мое состояние.

Наши с ним проблемы были не в том, что он хотел секса больше, чем я. А в том, что он хотел его именно тогда, когда я не хочу. Я вот даже не знаю, что противнее – лежать и думать, что ты, современная женщина, почему-то оказалась в ситуации вынужденного брака прошлых веков и те-

перь смотришь в потолок и думаешь об Англии или лежать и злиться, что ему опять «что-то не хочется» и «ты же сама мне объясняла, что это тоже насилие, только над самим собой».

– Я только руки помою! – прокричала я на кухню.

В ванной я заперла дверь, включила воду и прислонилась к холодному кафелю стены, спешно расстегивая джинсы. Пальцы скользнули между ног даже слишком легко – я была такой мокрой, какой не бывала даже в свои самые жаркие моменты.

Меня мгновенно бросило в жар; капельки пота выступили на лбу. Закусила губу, почувствовав, как непривычно быстро и ярко начинает нарастать напряжение, доходит до верхней точки, откуда всего десятка два движений до...

– Ты там плачешь, что ли? – перекрикивая шум воды, спросил Олег. – Ева?

Он забарабанил в дверь.

Черт тебя принес!

Быстро застегнула джинсы, сполоснула руки и вышла к нему, улыбаясь:

– Нет, с чего ты взял?

– А что такая красная? – подозрительно разглядывая мое лицо, поинтересовался он. Но отмахнулся: – Ладно, соус попробуешь?

– Я... – выдыхая кипящий в легких воздух, – ...забыла переодеться, минутку!

– Ну Ева, он же пригорит!

В спальне я скинула блузку и лифчик, втянув воздух сквозь сжатые зубы, случайно задев соски, вспыхнувшие требовательной жаждой. Стащила джинсы и замерла, только прикоснувшись к себе через тонкую ткань белья. Вопреки моим опасениям – а теперь еще и надеждам – мое тело не собиралось утихомириваться. Оно требовало разрядки, и уже довольно ультимативно.

Я провела пальцами по ткани и сжала рукой свою грудь. Господи! Олег, ну вот что ты не пользуешься, когда надо!

Словно услышав меня, Олег открыл дверь в спальню:

– Ты чего опять застряла? Я вроде чеснока добавил, лучше стало. Сама потом не жалуйся. Пошли на кухню, скоро будет готова. О!

Он сделал шаг ко мне, прислонился сзади и накрыл ладонями мою грудь:

– Люблю тискать твои сиськи! Так и ходи, футболку не надевай!

– Давай потрахемся! – не выдержала я, разворачиваясь к нему.

– Давай! – внезапно с энтузиазмом согласился он. – Только после ужина. Зацени мою лазанью, заодно вина выпьем.

Давай, надевай штаны какие-нибудь и пошли.

Во время ужина я сжимала бедра, елозила по дивану, терлась об Олега, но он только посмеивался и шутил про возбуждающий эффект красного перца, который добавил в лазанью. Открыл еще вино, предлагая расслабиться, но до вчерашнего уровня не напиваться. Впрочем, завтра суббота, можно и до синих чертей, если хочется.

К моменту, когда он помыл посуду – «видишь, ты всегда говорила, что сразу лучше мыть, я мою!» – вытер руки и поднял меня с дивана, подталкивая в сторону спальни, о моем возбуждении напоминала только стремительно высыхающая смазка между бедер.

Я снова думала об Англии. И смотрела в потолок.

Интересно, а где жена нашего соседа? Маринка сказала, что заселился один мужчина. Или она приедет позже? Или уже приехала?

Неужели они никогда не скандалят как мы? По-моему, все скандалят, так чего он тогда завелся? Она будет такой же роскошно-элегантной как он?

– Ты сегодня была какой-то особенно возбужденной! – откидываясь на свою подушку, сказал Олег. – Кто это у вас такой горячий на работе появился, а? Признавайся!

Кстати, лазанья была ужасной.

Воровка почты

Осень – самое время для тюленьих выходных. Спасать урожай, который привезли с дач родные и друзья. Готовить овощное рагу из кабачков и шарлотку из яблок. Лениво читать соцсети, варить кофе с корицей и кардамоном, договариваться с друзьями «когда-нибудь» встретиться.

Не думать ни о каком соседе.

В конце концов, я Маринку не встречала, иной раз, месяцами.

Кстати, она написала, что свадьба пока откладывается, потому что ее будущая свекровь попала в больницу. А потом наступит зима – зимой жениться неудобно: ни фотографий нормальных, ни погулять как следует. Ну и зачем вообще куда-то торопиться? Они отлично могут пожить и так. У будущего мужа в квартире только свежий ремонт и минимум мебели. Ни кухни, ни занавесок, ни дивана, ни котов. Есть где развернуться девушке, которая годами играла в «The Sims», живя в крошечной съемной квартире.

Правда мне показалось, что в ее голосе мелькнули те самые нотки самоубеждения, которые я ловила и у себя, когда рассказывала маме, что нам с Олегом отлично живется без штампа в паспорте. Но Маринка с женихом свадьбу вроде не

отменили, а только отложили, так что, надеюсь, мне только показалось.

Всю следующую неделю я не встречала соседа. Мне только чудился запах его парфюма в лифте, но его быстро забивала сигаретная вонь – кто-то с этажей ниже никак не мог дождаться, пока выйдет на улицу, начинал курить еще на лестнице.

Следующая тоже прошла в спокойствии.

С Олегом мы больше не ругались.

На работе все, вроде устаканилось, хотя я все еще ждала, когда придет время для повторного разговора о повышении.

Даже дверь подъезда исправно хлопала уже после нажатия кнопки лифта. А иногда я ее сразу аккуратно прикрывала за собой, говоря судьбе: «Сегодня пусть будет как будет». И было обычно спокойно.

Я уже совсем расслабилась – бывали дни, когда я ни разу не вспоминала про нового соседа. Но однажды пятничным утром, выгребая рекламные листовки из своего почтового ящика, я случайно бросила взгляд на ящик квартиры номер 44. За то время, что прошло с вселения нового жильца, тот, похоже, ни разу туда не заглядывал. Ящик был забит так, что муниципальные газеты туда уже засовывали, складывая в несколько раз, листовки просто пихали сверху, а с краешку была видна надорванная телефонная квитанция.

А вдруг сосед съехал?

Эта мысль меня поразила. Я тут страдаю, принохиваюсь в лифте, вздрагиваю от любого шума в квартире, стараюсь говорить полусшепотом, а он давно сменил квартиру, и не пересекаемся мы именно поэтому, а не потому что я как разведчик осматриваю все подступы к подъезду прежде чем туда зайти?

А ведь в ящике, кроме квитанций, запросто могут лежать почтовые извещения или какие-нибудь налоговые уведомления для Маринки или для хозяйки. Еще, говорят, домушники присматриваются к таким заброшенным ящикам и так определяют, что хозяева уехали в отпуск, можно грабить.

Я прикусила губу.

Это не мое дело.

Совсем не мое.

Хотя я знаю, что замок этого ящика открывается и без ключа, надо только надавить сбоку, а дальше можно отодвинуть запор.

Сами разберутся, все взрослые люди. А не разберутся, так мне точно дела нет.

Я вздохнула, развернулась, чтобы уйти... и, разумеется, полезла не в свое дело. Потому что потом Маринка или хозяйка спросят: «Ева, ну тебе сложно было, если видела?»

И что я отвечу? Испугалась этого нового жильца, он ругаться будет?

В ящике была пара квитанций и куча рекламы. Я выгребла ее и сразу выкинула в мусор, квитанции положила назад, с чувством выполненного долга прикрыла обратно дверцу... и вздрогнула от шелкового ехидного голоса:

– А что вы делаете с моим ящиком, Ева?

Обернулась – сосед стоял, привалившись к перилам и поставив ногу в сияющем ботинке на верхнюю ступеньку лестницы. Элегантный серый костюм сидел на нем так, как не на всякой кинозвезде. А им-то ведь наверняка шьют на заказ. Я прямо забеспокоилась – к нашим перилам в таком торжественном виде лучше не прислоняться...

Хватит, Ева. Ты уже один раз влезла не в свое дело, и вот что получилось.

Я опустила глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом. Сейчас оправдание «сосед будет сердиться» уже не казалось мне таким смехотворным. Он и правда сердился. Потому что во втором его вопросе шелка было меньше, а ехидство сменилось раздражением:

– Так вы ответите, зачем полезли взламывать мою собственность?

Я вспыхнула и затараторила:

– Ваш ящик был забит, все вываливалось, раньше тут жила моя подруга, и я подумала... – я прервалась и сглотнула. – ...подумала, что будет по-соседски... – боже, что я несу! – ...проверить, а хозяйка будет сердиться, но я бы передала

все важное...

Блею как овца. Какой позор.

Сосед прошел мимо меня, чуть задев плечом. Не так, чтобы оттолкнуть, а... так, что его запах снова окутал меня и мгновенно, несмотря на прошедшее с той встречи время, окунул обратно в кипящее море влечения к нему.

– Хозяйка попросила меня заглянуть в ящик, хотя мне точно ничего не может прийти, – прокомментировал он, открывая замок нормальным ключом. – Но я не вижу, чтобы тут было что-то важное. Счета я оплачиваю через интернет. Разве что вы, Ева, забрали.

Я мгновенно задохнулась от злости!

Забрала! Взяла и забрала какое-нибудь сраное извещение о пришедшей посылке с Алиэкспресса, а как же! Ева – воровка писем!

– Да вы охренели! – выдохнула я ему в спину, скатилась вниз по лестнице, вылетела и грохнула дверью подъезда со всей силы.

Я мчалась на работу в таком бешенстве, что на переходе перепутала эскалаторы и в толпе запрыгнула на правый. И по пути к эстакаде три раза сбилась в перечислении закупок.

Да как он смел вообще!

Он нормальный?!

Где он жил до сих пор, такой красивый, что там люди во-

ровали почту?

На работе

Влетела на работу с опозданием и тут же воткнулась в Сергея Андреевича не в лучшем настроении. И, конечно, получила выговор. И за опоздание, и за кончившуюся туалетную бумагу и черте где разбросанные накладные, которые должны лежать в одном месте, чтобы бухгалтерия могла их найти.

– А еще прибавку хочешь, Ев, ну ты сама подумай, для офис-менеджера аккуратность – главное качество. Мне все равно, любят ли тебя сотрудники, для этого у нас есть штатный психолог. Мне нужно, чтобы все в офисе работало как швейцарские часы. Если я не могу тебе в этом довериться, о каких бонусах может идти речь? – отчитал он меня.

Вот и не говорите мне потом, что мои ритуалы не работают. Даже не смейте!

Они работают. Было бы проще, если бы они работали всегда, в 100% случаев и можно было проверить и найти закономерность. Я бы тогда доказала окружающим, что не движутая.

Я немножко поплакала в офисном туалете, ругаясь то на соседа, то на начальника.

Правда вообще-то была в том, что оба выговора были заслуженными. Рабочий понятно почему – мне даже слезы было нечем вытереть, бумага и правда кончилась. А от соседа – потому что на самом деле, в глубине души, я надеялась найти в том ящике какое-нибудь письмо для него и узнать, как его зовут. Мне чертовски надоело мысленно звать его то красивым хамом, то соседом.

Его загадочность, то, что он так явно не вписывается в атмосферу нашего дома, не знает элементарных вещей и исходит из каких-то диких предпосылок, настолько сильно выделяют его из общей массы, что сложно перестать думать о нем и гадать, почему так получилось.

Где он жил раньше?

Почему теперь живет здесь?

Где его жена?

Как он попал к нам и почему так торопился снять квартиру?

Я вымыла лицо, вышла из туалета и посмотрела на часы.

Да, молодец, Ева. Сорок минут прорыдать из-за того, что безымянный мужчина обвинил тебя во взломе почтового ящика.

Сорок минут рабочего времени думать о его руках, его костюме и его запахе.

Ты молодец.

Просто молодец.

За полчаса до окончания рабочего дня я отправилась на офисную кухню – избавлять холодильник от неопознанной и просроченной еды. Кто не подписал свою котлетку и оставил ее на полке одинокой, мог при выходе с работы встретиться с ней и пойти домой вместе.

И в тот момент, когда я спрашивала у гречки в поллитровой банке, чья она, а гречка упорно не отвечала, начальник похлопал меня по плечу, перепугав до смерти. Боюсь, что гречку тоже – я чуть ее не уронила.

– Ева, я бы хотел перед тобой извиниться за утреннюю резкость, – начал он, и вот тут я и правда испугалась.

– Сергей Андреевич?!

Он никогда не признавал свою неправоту. Никогда.

Так что наверняка сегодня где-нибудь пройдет дождь из жаб в честь такого события.

Если только сейчас не выяснится, что все гораздо хуже, чем я думала. Например, утренняя резкость была из-за того, что он не знал, как сказать, что я уволена.

Доброта начальства куда хуже начальственного гнева. Лучшее всего – спокойный нейтралитет.

– Ева, я понимаю, ты можешь быть на меня обижена, и мне бы хотелось как-то загладить свою вину, – продолжил Сергей Андреевич, загоняя меня в натуральную панику. – Поэтому

давай на неделе вместе пообедаем. Например, в «Эзопе»? И обсудим твои карьерные перспективы. Я тут посмотрел твой диплом и не понимаю, зачем ты себя гроишь на должности «подай-принеси». Есть куда более интересные альтернативы.

– В «Эзопе»? – опешила я.

У нас на первом этаже здания было несколько ресторанов, в которые мы могли ходить на обед: от дешевой чебуречной до более-менее пристойных заведений, где бизнес-ланч состоял из тех же блюд, что и обычное меню, только порции поменьше. «Эзоп» был из них самым пафосным и на бизнес-ланчи не разменивался. Максимум – скидка на меню в обеденное время. И то лишь потому, что здания бывшей промзоны вокруг занимали исключительно офисы – днем ждать клиентов было больше неоткуда.

Но с их ценами даже со скидкой обедать себе там могло позволить только высокое начальство. Я вот в «Эзопе» ни разу не была, даже после новогодней премии.

– Не хочу, чтобы о нашей беседе сплетничали в курилке, – Сергей Андреевич положил ладонь мне на плечо, задержал ее там на полсекунды дольше приличного, улыбнулся и вышел из офисной кухни.

Ну да, зато о том, что он пригласил меня в ресторан, сплетничать никто не будет.

Что-то начальник и правда меня чересчур выделяет...

Я занервничала еще больше.

Или ерунда? Было бы свидание, он бы пригласил после работы.

Да и сам сказал – свидание после того, как я расстанусь с Олегом.

А я не собиралась.

Лучшая подруга – вторая мать

– Ир, я, наверное, расстанусь с Олегом.

С Иркой мы дружим уже года три, и когда моя жизнь становится слишком запутанной, я прихожу к ней в ее аккуратную вылизанную квартиру и там, на старомодном кожаном диване, завернувшись в пушистый плед, под неизменный чай с чабрецом и малиновым зефиром, потихоньку раскладываю все по полочкам и нахожу правильные пути.

Наша дружба началась в тот момент, когда я была в подушку от горя, после того как меня бросил мой номер восемь.

Строго говоря, напрямую он меня не бросал, только заявил, что отныне он полиаморен. То есть, любит сразу несколько женщин. Всех – одинаково. И, конечно, намерен оставаться со всеми. И если я соглашусь, мы создадим полиаморную семью: он, я и его знакомая с курсов английского. Кстати, он с ней уже начал отношения, она не против.

Я оказалась «мещанкой» и «ограниченной».

Была я не метафорически.

Каждый вечер на меня накатывала такая тоска, что я ры-

дала и кричала, била себя в живот, утыкалась в подушку, но сдержаться не могла и часами просто скулила, лежа щекой на холодном полу.

Когда увидела на двери квартиры записку с просьбой выгуливать собаку по вечерам, я поняла, что с этим нужно что-то делать.

Написала в женское сообщество в интернете, что мне очень-очень нужно с кем-нибудь выпить кофе и поговорить. Откликнулись несколько девушек, но почему-то они «поговорить» поняли так, что они мне будут рассказывать про своих собак и детей. Я сидела напротив них, пила свой латте и внутри меня росло желание просто заорать, заглушая их слова, музыку, играющую в кафе, шум шоссе за окном и свою невыносимую боль.

Только Ирка оказалась нормальной. Пришла, заказала бутылку шампанского и сказала: «Рассказывай!»

В первый раз я проговорила три часа и три бутылки. Во второй – два часа и две.

В третий справилась за час, но бутылок все равно ушло две. Потом мы встречались уже не каждый день, а пару раз в неделю и как-то незаметно я оказалась в курсе всех ее дел, а она моих. И не только про бывшего.

Я стеснялась ей звонить – она всегда звонила и писала первая, вытаскивала меня гулять, требовала похвалить ее новую вышивку, обижалась, когда я критиковала. Она дава-

ла мне наглые советы, лезла с ногами в мою жизнь, не отличала манипуляций от просьб и просьб от требований. Ни единого грамма такта, ни малейших сомнений в том, что она знает, как лучше...

С тех пор, как в восемнадцать лет я оставила Веру в том лесу с тремя подонками, у меня не было других подруг. После того, как она перестала ходить в колледж, меня стали сторониться однокурсницы. Да я и сама не стремилась с ними общаться. Мне было не до дружбы – надо было учиться, нельзя было гулять. Хватит, погуляла.

Ирка просто навязала мне себя, и всей моей вежливой непреклонности не хватило, чтобы отделаться от нее. С ней дышалось чуть легче. Ее беспардонность снимала все мои сомнения. И в людях она разбиралась лучше.

Олега мне нашла, кстати, именно она.

– Так. Рассказывай! В чем он провинился? Ударил? Изменил? Проиграл все деньги в автоматы? Испортил лимитку диоровской помады? – Ирка всучила мне чашку с чаем. Запах чабреца я люто ненавидела, но говорить ей об этом было бесполезно. Так что одной порции мне хватало на всю беседу.

– Я пока думаю, Ир... Я не знаю, – теперь мне было совсем неловко жаловаться на Олега. В самом деле, что он такого сделал-то?

– Ну расскажи, что не так?

– Секс, – я попыталась покраснеть и отпила сразу половину бокала.

– Тебе же нравилось? – удивилась она. – Ну, он тебя до оргазма доводит?

– Не каждый раз...

– Никого не каждый, – отрезала Ирка. – Не балованные.

– Не в этом дело.

– Он тебя не хочет? Ты мне про своего рассказывала... Алексей? Который тебя год не трахал.

– Алекс, да, – я вздохнула. Номер семь. Полтора года отношений, из них год как брат с сестрой. Все время оправдывался тем, что он устал. Даже отпуск не помог. Я была готова прожить с ним жизнь и состариться вместе, но все-таки не в двадцать пять.

– Что, и Олег так же? – ужаснулась Ирка. – Во мужики пошли. Мне моя сменщица тоже рассказывает, что новый год чаще...

– Да нет, противоположная проблема, – вздохнула я. – Пристает, когда я не хочу. А если отказать, ходит, как тот варан, и смотрит.

– Какой варан? – не поняла Ирка.

– Помнишь, была история про мужика, которого укусил его домашний варан и потом ходил за ним по пятам? Мужик думал – извиняется, а тот на самом деле все ждал, когда жертва сдохнет от яда.

Ирка заржала так, что пролила на себя чай.

– Я просто представила! Укусил и ждет, когда захочешь! – она закатилась опять.

– Так, мать, что-то ты веселее обычного, – забеспокоилась я. – Хорошо пятницу отметила?

– А чего не отметить? Благоверный мой опять в рейс ушел, вот я и скучаю. Что еще делать?

Иркин муж – дальнобойщик. Вот уж у кого сексуальная жизнь по расписанию.

Зато когда он возвращается после месяца отсутствия, она потом два дня с трудом по лестнице спускается.

– Ну, в общем, я немножко устала уже от секса. Иногда думаю, как бы увильнуть. Даже стала говорить, что голова болит, – призналась я.

– Не боишься, что уведут?

– Ир, я же с чего начала?

– Все-таки всерьез думаешь бросить? Эх, такой мужик! Себе бы взяла, да некуда!

Олега она мне нашла на «Фейсбуке» – он был откопан где-то среди чужих списков друзей методичным перебором. Ирка подбивала меня просто найти просто любовника для здоровья и не мучиться. А для любовника что главное? Ну, кроме того, что в «Фейсбуке» не проверишь?

Правильно – внешность! Поэтому она отсеяла всех, кто

не подходил под ее критерии красоты. Чтобы живот подтянутый, сам не лысый, не обрюзгший, можно немного седины, если старше сорока. Олег был реально хорош, и только недавно вернулся в Россию после работы в Скандинавии. Почему он там не женился, было понятно после взгляда на шведских мужчин. И почему себя в форме держал – тоже.

Ирка завела с ним беседы о музыке, о фильмах, о музее Астрид Линдгрэн, фото откуда он неосторожно выложил у себя на страничке. И постоянно тегала меня, мол, посмотри, ты интересовалась. У Ирки на странице крупным планом в «семейном положении» муж-дальнобойщик неслабых габаритов со свернутым носом, поэтому Олег был с ней предельно корректен... и попался в ловушку.

Пока шла осада, Ирина проверяла Олега по чек-листу.

Зарплата – хорошая.

Детей – хочет.

Родители – здоровые.

Высшее образование.

Хобби – оно же работа.

Долго жил самостоятельно, неприхотлив в быту.

Был женат в ранней юности, детей нет.

Не сидел, не привлекался, политические взгляды умеренные.

Уверена, не останови я ее, Ирина наняла бы хакера и нашла бы, какое порно он смотрит.

Впрочем, выяснилось, что тоже умеренное.

Идеальный мужчина.

Меня срочно научили готовить креветки в соусе блю-чиз, сломали мне ноутбук и отправили с Олегом смотреть какой-то много раз награжденный скандинавский фильм на языке оригинала.

К третьему свиданию я пожаловалась на ноутбук и похвасталась креветками. К сожалению, мы с Иркой не совсем учили, что программист отличается от ремонтника, но Олег понял намек, и все у нас завертелось.

Ирка с тех пор считает себя нашей крестной феей. И вот теперь такой облом.

– Ну уйдешь ты от него, дальше что? У тебя есть кто-то на примете?

Я отпила глоток чая, скривилась от запаха чабреца и отставила чашку подальше. Привычным взглядом женщины, у которой уже почти десять мужчин, а счастья все нет, мысленно просканировала свое окружение. Небогато.

Про соседа молчу.

Во-первых, он хам.

Во-вторых, женат.

В-третьих, роман там, где работаешь и роман там, где живешь – абсолютное табу.

Поэтому следующая мысль – про начальника, тоже отмечается.

Еще я с трудом вспомнила пару-тройку знакомых в соцсетях, с которыми мы обмениваемся ленивыми лайками и редкими комментариями. Вроде у них в семейном статусе стоит «холост», хотя в наше время ни в чем нельзя быть уверенной. При желании, наверное, реально вытащить их куда-нибудь выпить, раскрутить на следующее свидание...

Мда, энтузиазм из меня так и хлещет.

Мое молчание Ирка поняла совершенно правильно:

– Всех вспомнила? Если поискать, в контактах телефона где-нибудь еще найдется парочка однокурсников и какой-нибудь «Тимофей, ремонт стиралок», да? Тоже отличный вариант.

– Ир, но и дальше так жить нельзя. Ложиться в постель и надеяться, что все закончится побыстрее. Чувствую себя какой-то проституткой, ей-богу.

– Олег тебе платит? – хохотнула Ирка. – За секс?

– Нет... – я вспомнила нашу недавнюю ссору и опять разозлилась. Нашел чем попрекать – что он больше зарабатывает! А мне что с того? Вкладывает он столько же, сколько я, только на мне ежедневные траты, а на нем крупные.

– Тогда не зазнавайся, до проститутки тебе еще расти и расти!

– Но это ненормально, Ир!

– Норма – состояние большинства. Стало быть – нормально. Все терпят.

– Все? – я изумилась. – Помнишь же, с Алексом проблема

была в другом...

– И ты тогдашняя себе сегодняшней страшно бы позавидовала, скажешь, не так? Мужик каждый день в постель тащит, а она еще недовольна!

– Ну не может быть, чтобы все женщины делились на тех, кто страдает без секса и тех, кто страдает от секса.

– Есть те, кто страдает без денег. Или потому что муж пьет. Или потому что она хочет детей, а он нет. Все что-нибудь терпят, Ева. Жизнь – это череда компромиссов. Идеальных мужчин не существует. Но и идеальных женщин тоже.

– Эй! – мне захотелось разбавить ее трагичный тон. – А как же я? Разве я не идеальна?

Я вскочила с кресла и повертелась, глядя на свое отражение в стеклах шкафа. Стройные ноги, тонкая талия, хорошая кожа. Лишние килограммы налипают с годами, конечно, гораздо быстрее, особенно зимой.

Но сейчас я в своей лучшей форме.

Грудь небольшая, но упругая, ресницы длинные – и свои. И даже пухлые губы хороши без улучшений. И короткое каре мне очень идет, наконец я нашла свою прическу.

– Дорогая, тебе сколько лет? – сразу нанесла удар в нежную сердцевинку Ирка.

– Двадцать девять.

– Почти тридцать, дорогая. Все. Последние недели твоей

молодости тикает. Для мужчин ты просто перестанешь существовать. Для них и двадцать – уже много, но приходится смириться, что свеженьких на всех не хватит. Но бабы после тридцати интересуют только мужиков после пятидесяти, и то самых завалящих.

– Ир!

– Что, неправда? – она сощурилась.

– Правда... – я упала обратно в кресло и с горя отхлебнула остывшего чая с чертовым чабрецом. – Но можно было как-то понежнее.

– Тебе скажешь понежнее – ты, задрав хвост, помчишься на поиски приключений. Пока поймешь, что ничего лучше не светит, Олега уже подберет кто-нибудь поумнее.

Ирка пошла заваривать новую порцию чая, а я осталась осмыслять наш разговор. Обиднее всего, почему-то, было за прическу. Вот так мучаешься всю жизнь с волосами: экспериментируешь, стрижешься, красишься, отращиваешь, восстанавливаешь, и только-только найдешь то, что тебе наконец идет – а все, молодость прошла, заворачивайтесь в простыню и ползите на кладбище, только укладку не помните. Не успела порадоваться, как уже все.

Я вышла от нее ближе к полуночи на свежий осенний воздух, вдохнула пронзительную октябрьскую ночь и почувствовала легкий укол вины из-за того, что так и не расска-

зала ни про начальника, ни про соседа. Сама понимаю, что это плохие варианты. Но какого-то покаяния, убежденности в том, что смотреть в ту сторону не стоит, мне не хватило. Мой грех остался при мне – скрытый, и от того особенно тягостный.

Это рождало тревогу – из-за отсутствия тревоги.

Раньше я приносила свои плохие решения маме, потом начала Ирке – они отговаривали меня, вразумляли, я соглашалась и со спокойным сердцем следовала их советам.

Теперь же я... не хотела, чтобы они меня отговорили.

Недобрый лес и прочие неприятности

Женщина, чувствуя вину, крайне полезна в хозяйстве.

В воскресенье я проснулась раньше Олега, на цыпочках выбралась в ванную, почистила зубы, накинула домашнее платье вместо штанов и футболки, плотно прикрыла дверь в комнату и вручную замесила тесто на блинчики.

Утро – не лучшее мое время, так что обычно я питаюсь бутербродами или яичницей, а по выходным вообще завтракаю в обед. Но сейчас мне хотелось сделать для Олега что-нибудь особенное, чтобы искупить свою вину за мысли о расставании.

Ничего более подходящего на роль епитимьи, чем вечно подгорающие блинчики, от которых ни на секунду нельзя отвлечься, я и представить не могла. В холодильнике нашлась сметана, в шкафах джем и мед, и к тому времени как заспанный Олег выполз на кухню, я даже сварила кофе в турке, с трудом найдя старые запасы молотого.

– У нас праздник? – поинтересовался он. – Кто-то умер, кто-то родился, кто-то сдох далеко в лесу?

– Я просто очень тебя люблю! – я быстренько чмокнула его, увернувшись от попытки обнять и метнулась обратно к плите – кофе решил воспользоваться случаем и сбежать.

– Была бы у нас машина, я бы спросил, насколько в хлам ты ее разбила. А тут даже теряюсь.

– Слушай, ну серьезно! – я сняла турку с огня и разлила кофе по чашечкам. Настрогала на маленькой терке палочку корицы, бросила щепотку какао поверх. – Я поняла, что ты у меня сокровище, а я не ценю.

– Это тебе Ирка сказала?

Олег устроился на диване и подвинул поближе к себе миску с блинами, накрытую кухонным полотенцем.

– Это я сама додумалась, – надулась я.

– Ух ты, даже не подгорели! – восхитился Олег.

Он намазал блин сметаной, подумал, положил туда ломтик сыра и заодно полил медом.

– Это вместо спасибо?

– Спасибо, конечно, хотя ты меня немного пугаешь.

– Привыкнешь! – я так яростно поддела прилипший блинчик, что он счел за лучшее побыстрее перевернуться и подрумяниться, чтобы от него отстали.

– Так это постоянная акция, что ли? – изумился Олег. – Я выиграл в лотерею новую девушку?

– Старая тоже была ничего.

Меня кольнуло этим противопоставлением «старая-новая». Нет, речь не о возрасте. Но все равно.

– Ты мне нравишься любая! – тут же принялся подлизываться он. – Но и блинчики тоже нравятся.

– Вот видишь, как хорошо, что тебе не придется выбирать!

Я плюхнулась на диван с ним рядом, тоже потянулась к блинам, но тут же вспомнила свое твердое решение с утра сесть на диету. Хвасталась вчера Ирке своей лучшей формой, но забыла упомянуть, что зимой я всегда набираю несколько килограмм. Уютный хомячий жирок имени утешительных пирогов с чаем и долгих новогодних праздников.

Завтрак был настолько солнечным и счастливым, что я ни разу не пожалела о потерянном часе сна. Надо действительно сделать это привычкой.

Нашей милой семейной традицией.

Хотя бы по воскресеньям.

«Семейная» тоже ткнулась холодом, но я быстро отогнала это неприятное ощущение. Я бы тоже не стала жениться на скандалистке, которая отказывается от секса, заставляет готовить и недовольна тем, что ее возят в отпуск в Испанию.

– Пойдем сегодня погуляем? Пошуршим листиками, соберем букет? Пофотографируемся? Ты давно зеркалку не доставал, – предложила я.

– Ааааа, так ты просто фотосессию своими блинчиками выпрашивала! Я-то уж испугался! – облегченно выдохнул

Олег.

Тут я обиделась всерьез. Я ведь никогда ничего не добывала из него такими дешевыми манипуляциями – ты мне, я тебе. Никакого минета за шубку или айфон. Всегда говорила прямо или делала сама.

С чего бы вдруг начинать?

Вот так сделаешь доброе дело...

Разъедающее чувство обиды встретилось с хорошо настоившимся за ночь чувством вины и некоторое время две желтоглазые кошки внутри меня бились до кровавых ран, задевая когтями и мое сердце.

Победила вина – и я проглотила обиду.

Улыбаясь, предложила:

– Если не хочешь, давай останемся дома, посмотрим «Аладдина», давно собирались. Или съездим в аквапарк.

Видимо Олега все-таки насторожила пауза перед этими словами, потому что он ответил даже как-то поспешно:

– Ну что ты! Давно хотел тебя поснимать! Ты права, такой мягкий свет, даже фотошопить не придется, он сам все неровности кожи сглаживает. Надень свое синее пальто, хорошее сочетание цветов получится.

«Недостатки кожи» я тоже проглотила молча и скрыла это за суетой: убрать остатки блинчиков в холодильник, протереть плиту, допить кофе. Есть я так ничего и не стала. Купим

на обратном пути брокколи и куриные грудки.

Ранняя осень – абсолютная нереальность.

У половины деревьев все еще длится лето, но другая половина уже празднует увядание. Глубоко синее небо, какое бывает только весной, когда все только начинается, и осенью, когда заканчивается. Прозрачный холодный воздух, от которого цвета становятся насыщеннее, глаза блестят ярче, и пронзительный запах осенней земли напоминает о том, что это все – ненадолго, скоро кончится, лови момент.

Мы пошли на бульвар – там водились фотогеничные клены, дикие яблони и незнакомые мне кусты с ярко-красными ягодами, которые были достойны оттенить мой образ. Я давно мечтала сплести венок из разлапистых кленовых листьев и превратиться в Королеву Осени. Даже накрасилась специально под этот образ: охряные тени, дерзкие стрелки, темная помада.

По пути Олег сделал несколько действительно хороших снимков пронзительно-желтых лип на фоне синего неба и меня на фоне пронзительно-желтых лип. Заодно поснимал, как трагично лежат разноцветные листья во все еще зеленой траве, погонялся за рыжей, в цвет осени, кошкой, и на место мы пришли в замечательном настроении. Жизнь снова казалась прекрасной, и решение быть идеальной женщиной для

этого мужчины больше не тяготило. Мне хорошо с Олегом, а если я сама себе не порчу жизнь – то еще лучше.

Увы, на бульваре удача нас оставила. Прямо при нас муниципальные рабочие сгребали в огромные черные мешки, словно расчлененный труп осени, роскошные кленовые листья.

Можно было бы посниматься и на фоне этих мешков, но это был бы уже более мрачный жанр.

Расстроилась не только я, Олег тоже – он уже напланировал кучу кадров и с венком, и с букетами листьев, и придумал, как разложить меня на них покрасивее.

– Пойдем тогда в лес? – предложил он. – Там на поляне есть несколько кленов. В лесу точно никто убираться не будет.

– Не хочу, – отозвалась я тихо.

– Почему?

Двенадцать лет я не ходила в тот лес вообще. Ни на лыжи в колледже – приходилось прогуливать. Ни на шашлыки с друзьями – каждый раз придумывала новую причину. Ни просто гулять. Вообще никогда. Нет.

Один раз попробовала – и вылетела на дорогу, не пройдя и пяти метров вглубь.

Мне показалось, что за ближайшим кустом тот прыщавый все еще ждет меня. Знает, что я однажды вернусь и он за-

кончит то, что начал.

– Просто... не хочу, – я помотала головой. И предложила альтернативу: – Давай дальше по бульвару пройдемся? Может, на той стороне еще не все убрали.

– Ева! В лесу полно листьев! Пойдем!

– Нет... – я пыталась быстро придумать какую-нибудь приличную причину, но ничего в голову не приходило.

Мимо по бульвару проехала Скорая. Машинально проводила ее глазами, скрестила пальцы и шепнула: «Чур, не моя беда».

Олег заметил, скривился:

– Опять твоя ерунда.

– Прости, – покладисто сказала я. – Я уже реже так делаю.

– Можешь ответить, почему мы в лес не идем? – вернулся он к теме.

– Там грязно.

– Не грязнее, чем здесь. Дождя три дня не было.

– Там собак выгуливают.

– Здесь тоже, но тебя не смущает.

– Там темно.

– На поляне солнце.

– Я просто не хочу! – в отчаянии я прибегла к бессильному и бесполезному последнему аргументу.

– А я хочу! – отрезал Олег, схватил меня за руку и потащил за собой. – Я согласился на фотосессию, пошел тебе на-

встречу, так что давай ты пойдешь навстречу мне.

Не упираться же ботинками в землю как маленький ребенок?

Я потащила за ним, глядя на то, как неумолимо и неизбежно встает впереди лес. Казалось, туда даже не проникает солнечный свет, какие там получатся фото?

Но мне просто казалось, солнца сквозь редящую листву действительно проникало много, темным лес был только в моем воображении.

Но я не могла.

Просто не могла.

Конечно, я не рассказывала Олегу, что там случилось.

Я даже маме не рассказывала.

В тот вечер ей было не до меня – папа впервые не пришел ночевать. А потом как-то было недосуг, а потом я вроде бы пережила, а потом оказалось, что ждала я слишком долго и уже как-то глупо начинать.

Да и что я могла ей сказать? Мама, ты была права: с непослушными девочками случаются именно те плохие вещи, о которых ты предупреждала?

Они почти случились со мной.

А с Верой – случились.

И она тоже никому ничего не рассказала. Но узнала я об

этом нескоро.

Через пару лет после окончания колледжа на встрече выпускников вдруг зашла речь о тех, кто с нами учился, но не добрался до выпуска. И среди тех, кто вылетел за «хвосты», решил пойти сразу работать, перевелся в другое место или уехал за границу, вспомнили Веру.

Кто-то из парней хохотнул:

– Вот дура – умудрилась прямо в начале года залететь. Зато экзамены не сдавала.

– Говорят, ей тройки нарисовали на халяву и диплом.

– Повезло, – добавил кто-то из девчонок. – У нас в институте тоже пузом с курса на курс переходили. Одна так и родила пятерых.

– А что, знаете, от кого Верка залетела-то?

– Евку спроси, они ж дружили.

Я к тому времени уже выпила достаточно, чтобы устать от этой ярмарки тщеславия, от фотографий однокурсников, историй о студенческих пьянках и сексуальных похождениях и забилась в угол, листая первый попавшийся журнал.

Когда речь зашла о Вере, я только насторожила ушки, но лицо продолжала делать равнодушное. И когда речь зашла обо мне, вполне натурально пожала плечами – мол, откуда мне знать?

Сработало.

– Не лезь к Евке, они как раз поругались перед этим.

– Мне кураторша рассказывала, что родители Веркины пытались из нее выбить имя второго счастливого родителя, но она как партизан!

– Выбить? – кто-то ахнул.

– Отец ее избил, как узнал. Первый раз в жизни, говорит.

Мне ли не знать, что не первый. Просто раньше он бил ее по ногам, следы от пряжки долго не заживали, и она ходила в длинных юбках. Зато не так заметно, как руки или фингал под глазом.

– Нагуляла с каким-нибудь сопляком, который жениться обещал.

– Верка всегда была шлюшка. Помнишь, она на первую дискотеку пришла в юбке с таким разрезом... Все парни бегали смотреть.

– Ну мало ли кто с каким разрезом! У меня на выпускном, помнишь, какое декольте было? И ничего, через месяц замуж выхожу!

– Серьезно? Что ж ты молчала!

– Ну, у Верки кроме юбки были еще признаки.

– Конечно. Она все лето с парнями из строительного за гаражами курила. Мне мать запрещала за ней ходить.

Я спрятала горящее от злости лицо за журналом. Помню, как ты таскалась за нами, несмотря на запреты, а мы не зна-

ли, как от тебя отделаться. Но ты в итоге послушалась маму и вот – замуж выходишь. Все правильно сделала.

А мы не послушались. И промолчали.

Я молчу до сих пор.

Лес все ближе, и шепот его все громче.

Я иду как на казнь.

Те же осенние листья, едва прикрывающие жирную грязь.

Кружится голова.

– Ев, повернись тут, такое роскошное дерево на фоне!

Щелчок фотоаппарата, кружится голова.

Я оборачиваюсь – красное, как кровь, дерево позади меня.

Как кровь.

– Ева? Улыбнись!

Я не улыбаюсь? Я... улыбаюсь.

Нет.

Я бегу по листьям, оскальзываясь.

– Ева, что с тобой?

– Все хорошо.

Он догнал меня, догнал, догнал.

Мне страшно, как никогда в жизни.

Щелчок.

Я делаю шаг вперед, наступаю на землю, под ногой хлопает, и выплескивается фонтанчик грязной воды.

Покачиваюсь, чуть не падая.

Нельзя падать, испачкаю свитер.

Руки были все черные.

– Стой ровно, Ева! Это что – так сложно?

Я цепляюсь за землю, отталкиваюсь, но руки скользят.

– Покружись! Да не сейчас! Вот когда ветерок дует, листья падают, под ними покружись!

Он наваливается сверху, я выворачиваюсь и перекатываюсь по земле.

Так кружится голова. Можно я не буду больше кружиться, меня тошнит?

Страх помогает вырваться, ударить, ни на что не надеюсь, отчаянно, бессмысленно.

– Ева? Ева! Ева?!

– А?

– Ты чего не откликаешься? Стоишь, выпала из реальности.

– Давай уйдем?

– Ты чего?

Он отпустил меня на мгновение, два, три, я рванулась из всех сил, потянув мышцы, они болели две недели.

Я покачиваюсь, Олег едва успевает меня подхватить.

– Ты чего такая морально неустойчивая?

Споткнулась у самого края леса – испугалась так, что сердце чуть не выпрыгнуло из горла. Сейчас точно догонит!

Опираюсь на руку Олега:

– Давай уйдем?

Его рука мгновенно из поддерживающей становится жесткой, а сам он раздраженным:

– Ева, ты можешь нормально объяснить, чем тебе этот лес не нравится? Тут не водятся дикие звери, честное слово.

– Не хочу.

– Опять твои суеверия, что ли?

Не ходить в лес. Он ждет там, за кустами.

– ...Нет.

– Ева, мне надоела эта ерунда!

– Олег...

– То тебе кошка дорогу перешла, то колбасу нельзя есть!

– Десерт...

– То по той дорожке можно идти, а по этой нет!

– Я...

– В темноте не есть, деньги не передавать, в лифте все заплеванные кнопки перетрогать!

– Это просто...

– У всех есть придури, Ева, но твои переходят все границы! Завтра ты будешь считать листики на деревьях?

– Но ведь...

– Просто возьми себя в руки! Ты же можешь быть нор-

мальной! Такой был отличный день! Опять все к черту!

Но я уже выбралась из леса. Уже выбралась. Убежала.

Олег смотрит на меня раздраженно и зло. Наверное, с его точки зрения все так и выглядит: из-за моих суеверий я испортила наши чудесные выходные. Я всегда все порчу, даже когда хочу все исправить.

– Я больше не пойду с тобой вообще никуда, если ты будешь вести себя как психованная!

Выпрямляюсь. Я вышла из леса. Леса больше нет.

Говорю:

– Уходи. Вот прямо сейчас – уходи.

Случайности не случайны

Олег посмотрел на меня долгим и злым взглядом, развернулся так, что за ним взметнулись вихрем желтые листья, и – ушел.

Причем совсем не в сторону дома.

Я запрокинула голову и выдохнула горечь и обиду в синее сентябрьское небо, которое еще полчаса назад поднимало мне настроение, глубоко вдохнула запах прелых листьев и – пошла домой.

За спиной остался проклятый лес, в который я больше не войду никогда, пока еще дышу.

Черные мешки с листьями попадались по пути все чаще, как будто на что-то намекая. Настроение у меня было перед новой рабочей неделей – просто огонь! И еще обед с Сергеем Андреевичем впереди. Главное, не начать ему случайно ныть. Для этого у меня есть мама и Ирка.

Я так задумалась, что заметила соседа, только когда уже поздно было сворачивать и красться с другой стороны дома. Он стоял рядом со здоровенным черным «Лендровером» и орал в телефон:

– И на суд тоже не приеду! Не хочу! Ты это все затеяла, а я теперь чем-то обязан?

Ну что ж, по крайней мере, не только мне достается от его паршивого характера. Надо же, мне ведь показалось в магазине, что он жутко обаятельный. Где были мои глаза?

В этот момент он меня и заметил.

– Ева! – рывкнул он в том же тоне, что в трубку. – Ч-ч-черт... – уже мягче в телефон.

Посмотрел на меня – я плюнула на приличия и собиралась перепрыгнуть через клумбу и спастись бегством в подъезд. Посмотрел на телефон – выключил его и сделал шаг вперед, перегораживая мой обходной путь.

– Что? – устало спросила я. Конечно, я отметила, что он прекрасно выглядит. И стильный бежевый шарф поверх тонкого свитера, и вызывающе-желтые ботинки, и запутавшийся в волосах крошечный желтый листик липы, будто он тоже в этот когда-то прекрасный воскресный день гулял под листопадом. Но я еще хорошо помнила его идиотское предположение, что я ворую почту, и то, что он женат, а значит – под абсолютным запретом. Бросила быстрый взгляд на правую руку – кольцо на месте.

Не знаю, чего я ждала. Что он успеет развестись?

– Это ваша машина? – он указал на желтый «Гетц», заперший «Лендровер».

– Нет, с чего бы, – недоуменно пожала я плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.